

СРУБНАЯ ОБЩНОСТЬ В СВЕТЕ ЦИКЛИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ РАЗВИТИЯ

В.В. Цимиданов

Изучение феномена срубной культурно-исторической общности (первоначально рассматривавшейся как срубная археологическая культура) продолжается уже более века, если в качестве точки отсчета брать 1901 год, когда В.А. Городцов во время раскопок на территории Изюмского уезда Харьковской губернии выделил группу погребений в срубах. За это время внимание исследователей привлекали самые разнообразные аспекты срубной проблематики. Одним из направлений поиска являлась разработка периодизации срубных древностей (историографию см.: [Отрощенко, 2001, с. 113-162]). Предложены многочисленные схемы, авторы которых, выделяя этапы развития срубной культуры, обращали внимание на определенные различия между памятниками данных этапов в погребальном обряде, материальной культуре и т. д. Существование этих различий несомненно. Если бы они отсутствовали, само выделение этапов было бы невозможным. Но, как правило, охарактеризовав особенности этапов, авторы периодизаций тем и ограничивались. Почти никогда не ставился вопрос: что обуславливало изменения культуры срубного населения, фиксируемые археологическими материалами. Лишь в очень редких случаях исследователи задумывались над этой проблемой. Так, Н.Н. Чередниченко видел причину культурной трансформации в действии экологического фактора и прежде всего – климатических изменений: "общество, пытаясь восстановить равновесие во взаимодействии со средой, тем самым меняло облик материальной культуры" [Чередниченко, 1986, с. 82]. Иной была точка зрения В.И. Мамонтова. В качестве причины трансформации культуры он назвал изменение материального производства и экономических связей [Мамонтов, 1986, с. 51].

Последнее предположение выдержано в духе марксизма. Если стоять на позициях этой философии, то изменения в культуре (т. е. – в надстройке) можно пытаться трактовать как следствие развития экономики (т. е. – базиса). Но сейчас такое объяснение вряд ли будет достаточным. После того, как у нас марксизм перестал быть официальной доктриной, появилась возможность рассматривать его не как единственно верное философское учение, но как лишь одно из многих учений, имеющее не больше (хотя и не меньше!) прав на существование, чем прочие философские доктрины. С начала 1990-х годов в Восточной Европе начали публиковаться труды О. Шпенглера и А. Тойнби. Издана была и серия не публиковавшихся ранее монографий Л.Н. Гумилева. Следствием явилось то, что циклические теории развития общества и культуры, которые в западной философии истории потеснили линейные теории еще после I мировой войны, стали вызывать большой интерес и у исследователей постсоветской Восточной Европы. Многие восточноевропейские авторы в последние годы охотно обращаются к построениям создателей циклических теорий либо просто тиражируя их идеи, либо полемизируя с ними, либо – даже предлагая свои циклические схемы (см., например: [Мауринь, 1991, с. 40-41; Отрощенко, 1994, с. 41; Социология..., 1997, с. 432-433; Емельянов, 2000, с. 246-257; Моисеева, 2000, с. 8-22; Лозко, 2001, с. 41-44; Крымский, Павленко, 2002, с. 48, 61; Мосионжик, 2002, с. 251-256, 264-286; Павленко, 2002, с. 85; Шморгун, 2002, с. 255-256; Савинов, 2003, с. 58-59; Назаретян, 2004, с. 265-273; Орлова, 2004, с. 339-381; Ящук, 2004, с. 382]).

Между линейными и циклическими теориями имеются принципиальные различия. Линейные существуют в двух вариантах:

- 1) теории, рассматривающие историю человечества как постепенный регресс;

2) теории, предполагающие, что развитие общества идет с прогрессивной тенденцией.

Оба взгляда существуют параллельно со времен античности. В частности, греческий поэт Гесиод в VIII в. до н. э. нарисовал историю рода человеческого как непрерывную полосу утрат и усугубления зла [Фролов, 1981, с. 51-52], а греческий философ Демокрит (V в. до н. э.) одним из первых выдвинул идею общественного прогресса [Чанышев, 1981, с. 200-201]. В последующее время линейных теорий появлялось множество. В XIX в. возобладали их прогрессистский вариант. Среди данных теорий наиболее сложной является марксистская. Для марксизма характерна ярко выраженная вера в прогресс. В соответствии с этой доктриной коренным выражением общественного прогресса является закономерная последовательность смены социально-экономических формаций в результате развития производительных сил [Марксистско-ленинская философия, 1975, с. 92-93]. Правда, при этом допускается, что общественное развитие, имеющее, в целом, восходящий и поступательный характер, является противоречивым. Оно идет по спирали, проходя через ряд стадий движения внутренних противоречий от их зарождения до разрешения. Стадия разрешения противоречий как бы повторяет исходную стадию, но – на новой, более высокой ступени [Философский словарь, 1973, с. 157]. Ф. Энгельс, впрочем, писал, что развитие по такой схеме происходит "в истории отчасти (подчеркнуто нами – В. Ц.), в мышлении вполне" [Энгельс, 1961, с. 640-641], а В.И. Ленин отметил, что в историческом движении возможны временные возвраты, "обратный ход" [Введение..., 1989, ч. 1, с. 254]. Таким образом, "восходящая линия развития" [Марксистско-ленинская философия, 1975, с. 92] не есть линия в строгом понимании этого слова. Однако, согласно марксистской доктрине, спиралеобразность развития и возвраты сочетаются с поступательностью, прогрессом ("...на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени" [Энгельс, 1961, с. 641]). Поэтому марксистская схема исторического процесса должна быть все-таки причислена к линейным. Основным критерием общественного прогресса с точки зрения марксизма является характер производительных сил, темпы и уровень их развития [Марксистско-ленинская философия, 1975, с. 93]. В соответствии с таким взглядом переход от доклассового общества к классовому считается явлением позитивным, ибо он обеспечил "дальнейшее прогрессивное развитие производительных сил общества" [Румянцев, 1985, с. 86]. Даже становление эксплуатации человека человеком рассматривается как положительное явление, поскольку это привело к интенсификации производства и развитию производительных сил [Семенов, 1974, с. 171]. Соответственно, "борьба свободных общинников против эксплуататорских поползновений родо-племенной верхушки" на стадии классовобразования – явление негативное, регрессивное [Жуков, 1985, с. 10]. Здесь – подход, по поводу которого Л.Я. Мосионжик писал, что для линейных теорий не важна цена прогресса [Мосионжик, 2002, с. 250-251]. В расчет берется лишь прогресс на главном направлении, и не учитываются негативные его последствия на других, нередко оборачивающиеся страданиями для людей.

Впрочем, и безудержный прогресс на главном, с точки зрения марксизма, направлении (развитие производительных сил) в конце концов обернулся бедствием для человечества, ибо сделал последствия агрессии людей против природы необратимыми. В нынешней ситуации, пожалуй, лишь свертывание прогресса экономики может спасти человечество [Лимонов, 2002, с. 62-64, 155-160]. Но и в доклассовых обществах развитие производительных сил нередко вызывало негативные экологические последствия, что ставило древние социумы перед серьезными проблемами. Особенно сильным было давление на среду обитания в условиях производящей экономики. Деятельность

земледельцев и скотоводов приводила к уничтожению лесов и замене их открытыми пространствами. Ландшафт полностью менялся, усиливалась эрозия, что влияло и на реки, и на климат. Чрезмерный рост поголовья скота порождал перегрузку пастбищ и, соответственно, вызывал нарушения почв и всей экосистемы [Дорст, 1982, с. 129]. Именно человек уничтожил большую часть лесов умеренного пояса [Смит, 1982, с. 141, 143-144]. Подсчитано, например, что для сооружения построек одного лишь Майданецкого поселения трипольской культуры было использовано около 500 тыс. деревьев [Глазычев, 1983, с. 50] (!). Добавим к этому, что жилища на большинстве трипольских памятников погибли в сильном пожаре. Как показало моделирование, жители сами сжигали постройки, но для этого приходилось заполнить их дровами [Зиньковский, 1982]. При таком воздействии на природу не удивительно, что за мощным подъемом трипольской экономики последовал упадок [Массон, 1980, с. 209-210]. Превращение Сахары в пустыню также в немалой степени было обусловлено хозяйственной деятельностью скотоводов и земледельцев [Лот, 1984, с. 183]. Число примеров агрессии человека против природы можно легко увеличить, но и приведенные позволяют отметить два момента:

1) рассматривать в качестве главного критерия общественного прогресса развитие производительных сил не вполне верно;

2) масштабы развития производительных сил и степень жизнеспособности общества не всегда находятся в прямой зависимости, т. к. чем сильнее взлет экономики, тем больше вероятность того, что общество может "споткнуться" о последствия необратимых антропогенных нарушений среды обитания.

Данные нарушения были в традиционных обществах одним из серьезных факторов, порождавших кризис экономики. Это – такое ее состояние, когда хозяйство уже не способно полностью удовлетворить жизненно необходимые потребности социума в полноценном питании. Отсюда – понижение уровня жизни и угроза голодовок [Шнирельман, 1991, с. 18]. Но есть и другая "сторона медали", порой – еще более страшная. История традиционных обществ (и не только их) показывает, что кризисные явления в экономике способны порождать такие стрессы, в условиях которых люди, чтобы выжить, опускаются до животного уровня. Великодушие, доброта, сострадание, внимательность, симпатия, любовь – все это становится непозволительной роскошью, отбрасывается, и человек предстает совершенно обнаженным [Тернбул, 1981, с. 219-223]. Под давлением вызванного кризисом экономики стресса люди иногда даже смиряются с исчезновением своего этноса [Шнирельман, 1991, с. 20].

Если обратиться к степным культурам Восточной Европы эпохи бронзы, то можно констатировать, что прогресс производительных сил в это время, несомненно, имел место. Одно из ярчайших его проявлений – все большее совершенствование и распространение орудий из бронзы. Но на протяжении второй половины III-II тыс. до н. э. появилось и исчезло несколько археологических культур. В каждом конкретном случае механизмы их смены могли быть разными, как и главные факторы, вызывающие данный процесс. Среди этих факторов археологи чаще всего называют приход нового населения, ассимилирующего предшествующее (по крайней мере, в культурном плане), реже – т. н. "миграцию идей" (термин В.Я. Кияшко, предполагающий распространение новых традиций, не связанное с экспансией населения [Кияшко, 1979, с. 50]). По мнению некоторых авторов, появление новых культур может быть обусловлено и климатическими изменениями [Захариков, 1997, с. 59; Мельник, 2000]. В 1930-е годы, когда среди советских исследователей была популярна теория стадиальности, смена культур рассматривалась прежде всего как следствие социально-экономического развития (впрочем, при этом не отрицалось и значение миграционного фактора) [Круглов,

Подгаецкий, 1935, с. 44]. Роль экономических изменений в процессах появления новых культур допускалась и позднее. Правда, – лишь изредка. Например, по мнению В.Ф. Генинга, скачек в развитии металлургии и продуктивности хозяйства "приводит к качественному скачку – переходу к новой археологической культуре" [Генинг, 1970, с. 178]. В настоящее время такой подход вряд ли найдет много сторонников. Конечно, рассматривая процессы смены культур, роль экономического фактора нельзя полностью игнорировать. Однако, когда новая культура характеризуется иным погребальным обрядом, чем предшествующая (что почти всегда и наблюдается), это означает изменения в религиозных представлениях. А смена религии, как показывают более близкие к нам эпохи, оставившие письменные источники, всегда драматична. Еще более драматична ассимиляция.

Но проходила ли безболезненно для людей смена этапов в развитии одной культуры? И какие изменения в жизни общества стояли за этой сменой? Как правило, ее не удастся объяснить ни притоком инокультурного населения извне, ни "миграцией идей". Развитием производительных сил, климатическими изменениями смену этапов тоже не всегда объяснишь. Во многих случаях процессы трансформации культуры могут быть поняты с помощью циклической модели развития. Официальная советская наука относилась к циклическим теориям весьма скептически. Представления об историческом процессе как вечном круговороте одних и тех же циклов противоречили марксизму с его идеей прогресса, а потому объявлялись реакционными [Філософський словник, 1973, с. 200]. Сейчас такая оценка способна вызвать лишь снисходительную улыбку. Примечательно то, что к идеям цикличности приходили на протяжении двух с половиной тысячелетий многие мыслители, и часто – независимо друг от друга. В древности такие идеи высказывали, например, Пифагор, Аристотель, Платон, индуистские мыслители, Полибий, Вергилий, Марк Аврелий, Сыма Цянь, христианские авторы. В средние века подобные взгляды развивали Н. Макиавелли, Т. Кампанелла, в XVIII в. – Дж. Вико, в XIX в. – Ф. Ницше и Н.Я. Данилевский. Первая детально обоснованная циклическая теория была создана О. Шпенглером в начале XX века, а позднее различные циклические теории разрабатывались В.Р. Айя де ла Торре, А. Тойнби, Л.Н. Гумилевым и другими мыслителями (историографию см.: [Філософський словник, 1973, с. 200; Никитин, 1986, с. 61; Тойнби, 1991, с. 297-298; Бойченко, 2000, с. 200-215, 264-269; Мосионжик, 2002, с. 251-257; Орлова, 2004, с. 350-356; Ящук, 2004, с. 367-375]). Следует добавить, что идеи цикличности привлекали внимание и экономистов, начиная с XIX в. В работах К. Жюгляра, Н.Д. Кондратьева, А. Шпитгофа и других авторов была показана цикличность (более-менее равномерное чередование спадов и подъемов) развития экономики [Ящук, 2004, с. 375-379]. Однако, построения экономистов, при некотором сходстве с упомянутыми выше теориями, отличаются от последних рядом моментов: 1) циклы в экономических концепциях относительно коротки (от 3 до 100 лет у разных исследователей); 2) данные концепции затрагивают лишь одну сферу жизни общества - экономику; 3) смена циклов происходит в рамках определенной единицы исторического бытия, и в большинстве случаев окончание цикла не означает гибель данной единицы. Таким образом, на наш взгляд, экономические циклические теории не следует смешивать с собственно циклическими теориями, как это делают некоторые авторы (см., например: [Ящук, 2004, с. 367-379]).

Циклические теории мыслителей XX века предполагают прохождение общества, культуры, цивилизации или этноса в своем развитии через определенные стадии. Цикл завершается гибелью данной единицы исторического бытия. Затем на основе ее "обломков" может возникнуть новая единица, которой суждено пройти тот же путь.

В чем здесь принципиальное отличие от линейной теории в ее марксистском варианте? На первый взгляд, марксизм также признает определенную цикличность. В каком-то смысле циклом является один виток спирали развития, возникающий вследствие действия закона отрицания отрицания. Напомним, однако, что, по крайней мере, Ф. Энгельс не склонен был абсолютизировать такую модель истории общества. Кроме того, упомянутые витки имеют огромную временную протяженность. В частности, Ф. Энгельс в качестве такого витка рассматривал переход от общественной собственности к частной, а затем (в ходе социальной революции) – возврат к общественной собственности, т. е. - возврат на исходный путь развития, но – на более высокой ступени. Другой пример, приводимый этим мыслителем, - из области философии. В Древней Греции возникает стихийный материализм. На смену ему приходят идеализм и спиритуализм. Последний посредством христианства распространился весьма широко, но его отрицает современный материализм [Энгельс, 1961, с. 640]. Таким образом, витки наблюдаются в масштабах огромных отрезков мировой истории, а не в масштабах определенного общества. Кроме того, от витка к витку имеет место прогресс. Что касается циклических схем, то здесь циклы – не единичные случаи, а закономерность (хотя и не всегда общество проходит полный цикл). Данные циклы обычно относительно коротки, хотя порой и могут растянуться на пару тысячелетий, как это было, например, с христианской культурой [Мосионжик, 2002, с. 273]. При этом смена одного общества другим не есть прогресс и поступательное движение.

Хотя циклические схемы разных авторов имеют свою специфику, Л.А. Мосионжик показал, что в этих схемах больше общего, чем различного. Им была предпринята попытка обобщить их, и в итоге исследователь предложил синтезную схему развития культуры [Мосионжик, 2002, с. 271-286]. В отличие от некоторых своих предшественников, автор не загоняет циклы в прокрустово ложе определенных временных интервалов. Напротив, О. Шпенглер, например, отводил культуре 1200-1500 лет [Шпенглер, 1993, с. 189-200], а у Л.Н. Гумилева этнос существует 1200 лет [Гумилев, 1994б, с. 416]. Еще А. Тойнби в свое время скептически отнесся к догме О. Шпенглера, согласно которой человеческие общества обладают предопределенными жизненными сроками, во всех случаях одними и теми же [Тойнби, 1991, с. 295-296]. Действительно, обращение к конкретным обществам показывает, что интервалы существования цикла разнятся. Так, В.И. Козлов продемонстрировал, что в истории германского фашистского государства можно выделить те же стадии, что и в истории гумилевского этноса. Но стадии эти были пройдены не за 1200 лет, как у Л.Н. Гумилева, а за несколько десятилетий [Козлов, 1990, с. 107]. В.И. Козлов, правда, хотел лишь сделать пародию на концепцию Л.Н. Гумилева и не заметил, сколь интересно его сопоставление. Таким образом, главное – не временная протяженность цикла и его составных частей, а набор этапов и их последовательность. Нет необходимости останавливаться на том, что предопределяет смену этапов. Кратко это изложено в работе Л.А. Мосионжика [2002, с. 264-270]. Попробуем приложить схему этого исследователя к материалам срубной культуры. Но сначала стоит уточнить один момент.

В центре внимания А. Тойнби, рассматривавшего развитие цивилизаций, были классовые общества. Именно в их истории он выделяет определенные этапы. Правда, к категории "цивилизации" исследователь отнес и некоторые доклассовые социумы (эскимосские, полинезийские), но назвал их "задержанными цивилизациями", которые "были остановлены в своем развитии после рождения" [Тойнби, 1991, с. 181-182]. Соответственно, и О. Шпенглер анализирует только "великие культуры", т. е., опять-таки, классовые общества [Шпенглер, 1993, с. 189-200]. О доклассовых мыслитель пишет

вскользь. Если "великие культуры" для него – "волны, расходящиеся величественными кругами", то прочие – "однообразный прибой" [Шпенглер, 1993, с. 264]. Преимущественно к истории классовых обществ обращаются, аргументируя свои идеи, Л.Н. Гумилев и Л.А. Мосионжик. Впрочем, это вполне понятно. Событийная история, позволяющая делать наблюдения о тенденциях развития, известна нам, в основном, только для классовых обществ. Но насколько правомерно распространять схемы, разработанные на фактах истории этих обществ, на общества доклассовые? Не есть ли выделяемые авторами циклических теорий этапы (фазы, стадии) циклов лишь спецификой "великих культур" типа шумерской, древнеегипетской, античной и т. д.? Рассмотрение данного вопроса достойно отдельного большого исследования. Мы же ограничимся допущением, что упомянутые циклы универсальны, и их структура не зависит от уровня технологии, экономики и социального развития общества. Более того, ту же морфологию имеет "микроистория" "отдельного человека, какого-нибудь животного, дерева или цветка" [Шпенглер, 1993, с. 262]. Каждая культура проходит этапы, которые можно соотнести с возрастными ступенями человека. У нее есть свое детство, своя юность, своя возмужалость и старость [Шпенглер, 1993, с. 265]. Данные утверждения могут показаться всего лишь метафорами, но это – только на первый взгляд. Приведем один пример. В жизни многих ученых можно выделить несколько этапов: 1) этап бурного генерирования идей; 2) этап, когда идей все меньше, но зато достигнуто признание коллег; 3) этап, когда идей почти нет, но пожинаются плоды посеянного ранее и муссируются выдвинутые раньше идеи, ибо это необходимо для поддержания авторитета; 4) этап, когда физическая жизнь еще продолжается, но жизнь в науке закончена. Сравним это с "весной", "летом", "осенью" и "зимой" культуры, по О. Шпенглеру, или с фазами схемы Л.Н. Гумилева, предполагающей вспышку пассионарности, а затем – длительный период иссякания пассионарной энергии... Забегая вперед, отметим, что циклические теории вполне согласуются с данными необычайно популярной сейчас синергетики (учения о неравновесных системах, к каковым относится и общество). С точки зрения синергетики, в развитии всех систем проявляются одни и те же закономерности, независимо от того, чем является данная система – растением, человеком или обществом.

Итак, попробуем взглянуть на развитие срубного мира сквозь призму циклических теорий.

1-я ФАЗА: РОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Проблема происхождения срубной культуры уже несколько десятилетий является предметом дискуссий. Среди наиболее спорных – вопросы о территории сложения данного культурного феномена и компонентах срубного культурогенеза. Историография проблемы обширна, но существующие версии могут быть сведены, в основном, лишь к трем вариантам:

1) срубная культура сложилась в восточной части ее ареала. Потом она распространилась на новые территории, в частности – на запад. Эта точка зрения впервые была обоснована О.А. Кривцовой-Граковой. По ее мнению, культура сформировалась в Поволжье на полтавкинской основе [Кривцова-Гракова, 1955, с. 9-26]. В дальнейшем данная гипотеза разрабатывалась многими авторами. Ее вариантом является концепция волго-уральского очага культурогенеза, в котором "родилась эпоха поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана" [Бочкарев, 1991, с. 25], и откуда произошла "грандиозная миграция населения срубной культуры" [Бочкарев, 1991, с. 26];

2) срубная культура автохтонна. Все ее локальные варианты одновременны, единого центра происхождения культуры не было, и сложение каждого варианта следует объяснять исходя из местной археологической ситуации [Чередниченко, 1979];

3) существует две срубные культуры, сформировавшиеся в разных регионах. Наиболее полно эта гипотеза была аргументирована В.В. Отрощенко. Исследователь выделяет в пределах срубной общности покровскую и бережновско-маевскую культуры. Они имели разные подосновы. Покровская сложилась в лесостепи междуречья Дона и Волги в результате политического и культурного воздействия носителей синташтинской культуры на позднеабашевское население. Отсюда она распространилась в другие регионы, в частности – в Заволжье. Протобережновские памятники находятся в Нижнем Поволжье. Здесь на позднекатакомбный массив наложился пришлый с востока новокумакский компонент. В последующих процессах сложения бережновско-маевской культуры сыграло свою роль население покровской срубной культуры и КМК [Отрощенко, 1994б, с. 152-153; 1997, с. 70-72; 2002б, с. 13-15, 18-19].

Каждая из гипотез имеет своих сторонников. Их взгляды во многом принципиально разнятся, что приводит к периодическим вспышкам дискуссий. Но, тем не менее, прогресс в понимании срубного культурогенеза налицо. В частности, становится все более очевидным, что сложение срубной общности нельзя рассматривать с чисто миграционистских позиций, и уж тем более неверно трактовать распространение срубной культуры как военную экспансию, в ходе которой вытеснялось и уничтожалось местное население [Пярых, 1983а, с. 91; Берестнев, 2001, с. 109]. На каждой конкретной территории, куда проникали носители срубной культуры, важную роль в культурогенетических процессах играл и местный субстрат. Для Нижнего Подонья и Днепровско-Донецкого региона это – население КМК [Писларий, 1976; Березанская, Чередниченко, 1985, с. 472; Литвиненко, 1992; Ковалева, 1997; др. раб.]. Для Среднего Подонья субстратом, вероятно, были носители доно-волжской абашевской культуры, традиции которой, в частности, прослеживаются в керамическом производстве срубного населения [Беседин, 1994], для Предкавказья – позднекатакомбное население, памятники которого еще не выделены в особую культуру [Кубышев, Черносивтов, 1984; Братченко, 1995, с. 17; Мимоход, 2003]. Словом, основные компоненты сложения срубной общности все более выкристаллизовываются. Для нашей работы не столь важно, кто и откуда мигрировал. Важнее другое. Ареал срубной культуры огромен. Основная территория распространения ее памятников тянется от Приуралья до Поднепровья. На данной территории в предсрубное время (по терминологии В.В. Отрощенко, - переходный период от среднего к позднему бронзовому веку [Отрощенко, 2001, с. 43]) существовало несколько разных культур, на смену которым в итоге пришла одна. Она оказалась поначалу настолько жизнеспособной, что "смяла" и "переварила" все субстраты. Примеры поздних эпох, от которых дошли письменные источники, куда более информативные, чем источники археологические, показывают, что любая культура всегда имеет некое первоначальное ядро. В случае со срубной культурой локализация этого ядра все еще дискутируется. Поэтому попытаемся от данного вопроса абстрагироваться. Строго говоря, при любом варианте ответа на него общая схема срубного культурогенеза принципиально не изменится.

С точки зрения синергетики, после гибели системы на смену ей приходит хаос, но - хаос творческий, конструктивный, являющийся источником новой упорядоченности. Конструктивность хаоса в процессах самоорганизации систем проявляется в ряде моментов:

1) хаос необходим для выхода системы на одну из возможных структур (например, в науке это – увеличение разнообразия идей, поощрение "инакомыслия");

2) хаос лежит в основе механизма объединения простых структур в сложные, механизма согласования темпов их эволюции;

3) хаос может выступать как механизм "переключения" режимов развития системы, перехода от одной относительно устойчивой системы к другой [Князева, Курдюмов, 2002, с. 128-129].

Именно хаос мы видим в переходный период, когда на территориях, где позже существовала срубная общность, протекали бурные процессы культурных взаимодействий и трансформаций. Можно отметить несколько особенностей данной эпохи:

1) *необычайная культурная пестрота*. Бок о бок, взаимонакладываясь ареалами и взаимопроникая, "взаимопрорастая" существует серия культурных образований с ареалами, значительно более узкими, чем ареал срубной общности. Применительно к этой пестроте удачными нам кажутся термины "мозаика" [Филипченко, 1995] и "культурный коллаж" [Кузьмина, 2003, с. 77];

2) *культурный "космополитизм"*, проявляющийся в заимствовании элементов других культур [Бочкарев, 1982, с. 20];

3) *незавершенность культурогенетических процессов*. На это указывает неустойчивость, многовариантность погребального обряда. Не удивительно, что применительно к некоторым культурным образованиям этой эпохи (например, Синташте, Потаповке, Покровску) ведутся и еще долго будут вестись споры о том, являются ли они самостоятельными археологическими культурами, культурными типами или – вариантами других культур;

4) *расточительность*. Затраты общества (трудовые и материальные) при совершении многих погребений значительно превосходят те, которые были характерны как для предшествующей, так и для последующей эпох. Стоит подчеркнуть, что здесь мы имеем в виду расточительность отнюдь не в переносном смысле. Фундаментальной двойственностью жизни доклассовых обществ является наличие двух полюсов. Один – это стремление к стабильности, производству, накоплению, другой – стремление к безудержному расточению материальных благ и духовной энергии, в большинстве случаев – бесцельному, пренебрегающему расчетом [Шуйнин, 1992, с. 44-49]. Любопытно, что уже шумеры осознавали существование этой оппозиции, что нашло отражение в изречении: "Все равно умрем – давай все растратим! А жить-то еще долго – давай копить!" [Крамер, 1991, с. 128]. "Полюс расточительности" порождает потлачи и разнообразные потлачевидные ритуалы, пышные погребальные обряды, в ходе которых расточались и материальные средства, и духовная энергия. Особые виды расточения последней – праздники, смех, эротизм, духовная деятельность, в частности – создание поэтических произведений [Шуйнин, 1992, с. 47-49]. Несомненно, проявлением расточения является и изобразительность, ибо она есть взрывной выплеск эмоций, причем на ранних стадиях развития искусства – выплеск бессознательный [Дьяконов, 1983, с. 100, 104]. Это расточение духовной энергии мы видим в орнаментации посуды культур переходного времени. Во многих случаях, если не в большинстве, сосуда покрыты орнаментом сверху донизу, а в состав орнаментальных композиций входит несколько фризов. Богатая орнаментация керамики сигнализирует о том, что общество сместилось к "полюсу расточения" и удалилось от "полюса накопления".

Другой аспект рассмотренной оппозиции сформулировал Л.Н. Гумилев. Он выделяет две категории людей. Одним свойственно желание долго жить, воссоздавать

себя через потомство. Они стремятся к сохранению жизни и вида в биологическом его понимании. Другие же люди занимаются самоистреблением, не ценя жизнь: идут на войну, кончают жизнь самоубийством, бросают детей на произвол судьбы. Таких людей в любом обществе немного, но их энергия позволяет им развивать активную деятельность и творить историю [Гумилев, 1994б, с. 400-402];

5) *милитаризация жизни*, проявляющаяся в наличии большой серии погребений с предметами вооружения;

В культурном многообразии, мозаичном континууме рубежа средней и поздней бронзы исследователи уже давно находят многие элементы, которые в дальнейшем стали характерными чертами срубной культуры. Это, в частности, – т. н. "поза адорации" и положение умершего на левом боку. Оба данных обрядовых проявления мы видим в ряде культур и культурных групп переходного периода - Синташте [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 48, 119, 142 и др.], петровской культуре [Зданович, 1988, с. 135], памятниках потаповского типа [Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 5, 1; 6, 2; 7, 2 и др.], покровского типа [Малов, 1989, с. 94], поздних погребениях культуры многоваликовой керамики [Писларий, 1983, с. 16-17], поздних катакомбных погребениях некоторых регионов [Пятых, 1983б; Мимоход, 2003, с. 103-104], в доно-волжской абашевской культуре [Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989, с. 4-5], памятниках вольско-лбищевского типа [Васильев, 2003, с. 108]. Прототипы срубной керамики также, при желании, можно найти в абашевских, катакомбных, воронежской культурах [Пятых, 2000, с. 12-13], памятниках потаповского типа [Мочалов, 1997]. Но при всем этом термин "перерастание", который используют некоторые авторы, рассматривая происхождение срубной культуры [Пряхин, Матвеев, 1988, с. 144; Сафонов, 2000, с. 117], равно как и термин "постепенная трансформация" [Кузнецов, Мочалов, Семенова, Хохлов, 2000, с. 83] едва ли являются корректными. Возникновение любой культуры – всегда всплеск, взрыв, а не плавное вырастание из другой. И это, если использовать терминологию диалектики, – переход в новое качество, а он всегда имеет форму скачка. Можно искать и находить истоки отдельных элементов срубной культуры в культурах предшествующих. Но она при всем том принципиально отличается от любой из них. В основе единства и специфики каждой культуры лежит т. н. "прафеномен" или "пороговый смысл" – специфический комплекс подсознательных, архетипических представлений о мире и человеке. Характер прафеномена определяет все проявления культуры. Прафеномен не может быть адекватно выражен словами, он доступен лишь пониманию и "вчувствованию", и его можно обнаружить в мифологии и символике [Мосионжик, 2002, с. 263-264]. Именно прафеномен порождает тот особый стиль, который, как полагают некоторые авторы, может быть критерием выделения археологических культур [Клейн, 1991, с. 136-140].

Анализ срубных материалов позволяет увидеть некоторые проявления этого прафеномена, совокупность которых и отличает срубную культуру от любой предшествующей. Наиболее существенные из них следующие:

1) *отход от "космополитизма", обретение "своего"*. Это видно, в частности, из того, что т. н. "микенский" орнамент на изделиях срубной культуры встречается значительно реже, чем в предсрубных культурах. Так, в массиве из 5440 учтенных нами срубных погребений лишь 5 содержали изделия с таким орнаментом (0,09%). Соответствующий показатель для памятников покровского типа составляет 1,4% (учтено 221 погребение), а для памятников доно-волжской абашевской культуры – даже 7,4% (учтено 94 погребения). "Свое" же заключается, например, в том, что орнамент срубной керамики лишь в редких случаях покрывает весь сосуд, но чаще занимает только верхнюю треть, в том, что в орнаменте сформировались специфические каноны [Кочерженко, Сергеева,

Слонов, Шабанов, 1994, с. 27, 29]. Поиск нового в керамической орнаментации был довольно интенсивен. По подсчетам О.Д. Мочалова, в раннесрубное время появилось более 40 мотивов. Но многие из них в дальнейшем так и не стали культурным стандартом [Мочалов, 2000, с. 57].

Даже исследователи, которые настойчиво ищут в срубных керамических материалах проявления наследия доно-волжской абашевской культуры (ДВАК), признают, что, при сходстве структурообразующих звеньев орнамента ДВАК и срубной культуры, сочетание данных звеньев в рамках мотивов и композиций разное [Сафонов, 2000, с. 117]. Одной из особенностей орнаментальных композиций срубной керамики, в отличие от керамики предшествующих культур, был упор на принципы дисгармонии, асимметрии и ритмичности, что можно сравнить с принципами авангарда в искусстве [Кузьмина, 1999, с. 203]. За новшествами в украшении сосудов вполне резонно видеть появление новых эстетических потребностей [Чубатенко, 1997, с. 85-86].

Еще одно новое явление – широкое распространение у населения срубной культуры довольно сложной знаковой системы, представленной т. н. "письменами", "пиктограммами", "знаками-символами" и т. д. Эти изображения, встречающиеся на срубной керамике, уже неоднократно привлекали внимание исследователей (см., например: [Формозов, 1953; Отрощенко, Формозов, 1988; Буров, 1997; Захарова, 1998]). Некоторые авторы, правда, находят подобные знаки в предшествующих культурах [Ковалева, 1989, с. 57; Пряхин, Захарова, 1996; Пустовалов, 1996]. Определенная преемственность между данными изображениями досрубных культур и знаковой системой, получившей распространение у срубников, возможно, и имеется, но все-таки следует признать, что нигде (ни до, ни после) такого распространения, как в срубной культуре, подобные знаки не получили. И только в ней одной упомянутая знаковая система имела уже структурно оформившийся и сложившийся характер [Пряхин, Захарова, 1996, с. 63]. Изучение орнамента срубной керамики позволяет допускать, что даже восприятие времени у носителей срубной культуры было иным, чем у их предшественников [Сафонов, 1996, с. 66]. Новой ("своей") была и знаковая система, фиксирующая при погребении положение человека в обществе. В пределах территории срубной общности сложилась и определенная архитектурная традиция. Поселения демонстрируют близость домостороительства на огромной территории от украинской лесостепи до Приуралья. И список этих "новых веяний" можно значительно расширить.

2) *устойчивость погребального обряда, его стандартизация* – распространение позы "адорации", скорченности на левом боку и ориентировки головой в интервале 0-90 градусов. Есть, конечно, и отклонения как в ориентировке, так и в способах обращения с телом умершего, но число комплексов, демонстрирующих любое из них, не превышает нескольких процентов. Стоит согласиться с исследователями, объясняющими эту стандартизацию распространением новой религии [Пярых, 1992; Дремов, 2000], которую в каком-то смысле можно сопоставить с мировыми [Дремов, 1997, с. 156; Пярых, 2000, с. 22]. Отметим, что в основе любой новой культуры всегда лежит либо религия, либо идеи, приобретающие по мере своего развития черты религий [Мосионжик, 2002, с. 268]. Правда, появление новой религии в нашем случае произошло еще до рождения срубной культуры, судя по распространению в переходный период позы "адорации", но господствующей эта религия стала, вероятно, лишь в срубную эпоху. Вспомним в данной связи, что и от появления христианства до того, как оно было принято в качестве официальной религии Римской империи, прошел не один век;

3) *нарочитая "скромность"*. Ее демонстрирует, в частности, погребальный обряд. Общество расходует гораздо меньше средств и энергии на похороны покойников, чем

многие другие общества эпохи бронзы. Можно говорить о "переориентировке ценностей" в данной сфере бытия [Бестужев, 1982, с. 128-129]. Большинство срубных погребений содержит в качестве инвентаря лишь керамику. Только в, примерно, каждом десятом захоронении, судя по материалам Украины, встречены и другие вещи. В отличие от, например, памятников синташтинского круга, где в погребениях встречены практически все вещи, которые могли использоваться этим населением в быту, в срубной культуре существовали своеобразные "табу" на помещение в могилы некоторых предметов, в том числе орудий металлургии и металлообработки, кожевенного производства, а на западных территориях общности – и предметов вооружения. Эта "скромность" погребального обряда трактуется порой как свидетельство социальной "стагнации" [Массон, 1995, с. 7], "социальной деэволюции" [Бочкарев, 1995, с. 28]. Углубленное изучение срубных захоронений не позволяет поддерживать такие оценки. Процессы нарастания социальной дифференциации продолжались [Цимиданов, 2004, с. 110]. Показательны и жертвоприношения животных при совершении погребений. В срубной культуре очень мало случаев, когда в погребальных комплексах выявлены целые костяки животных. Несомненно, по внешней эффектности срубные жертвоприношения проигрывают в сравнении с "гекатомбами" Синташты. Но едва ли из этого правомерен вывод о меньшем благосостоянии срубного населения. Избыточный продукт был достаточно стабилен, без этого невозможен был бы тот демографический взрыв, который демонстрируют археологические материалы. Скорее всего, срубники попросту были более "экономными", чем синташтинцы. На эту черту ментальности срубного населения обратили внимание еще А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий. Отметив, что в срубных погребениях встречается меньше вещей, чем в катакомбных, авторы увидели причину данного явления в стремлении накапливать богатство: "Соображения чисто материального характера взяли верх над религиозным обычаем" [Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 170-171].

Более "скромн", чем в предшествующих культурах, орнамент срубной посуды. В качестве примера сошлемся на погребения с территории Луганской области. В 459 учтенных захоронениях содержался 421 сосуд (учитывались лишь целые формы). При этом 45,1% сосудов были орнаментированы. На 24,2% орнаментированных сосудов выполнен орнамент, состоящий из нескольких фриз (полифризный). Для сравнения, среди опубликованных сосудов из могильников Синташты [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 111-340] (при подсчете использовано 137 целых изделий) 91,2% сосудов были орнаментированы. На 74,4% орнаментированных сосудов выполнен полифризный орнамент. Среди опубликованных сосудов из погребений I-III групп Подклетненского могильника доно-волжской абашевской культуры (Воронежская обл.) 90% были орнаментированы (рассмотрено 50 изделий). На 42,2% орнаментированных сосудов орнамент был полифризным [Пряхин, Беседин, 1996, рис. 3-6]. Приведенные примеры "скромности" срубного населения (а можно добавить и другие) свидетельствуют о том, что это общество сместилось к "полюсу накопления". Если использовать подход, который в свое время предложил Е.Н. Черных [1982], то срубную культуру стоит назвать "рациональной", в отличие от большинства предшествующих ей культур, которые были "иррациональными". По мнению исследователя, "рациональные" культуры в экстремальных условиях оказываются более устойчивыми, чем "иррациональные". "Великолепие" последних может отражать "явный кризис общей культуры и самого общества" [Черных, 1982, с. 19]. Впрочем, как мы увидим ниже, культуры, переживающие состояние кризиса, в археологических материалах не обязательно проявляются как "иррациональные";

4) *оседлый образ жизни в большинстве регионов*. Срубное население, очевидно, выработало оптимальный способ взаимодействия с природным окружением в рамках имеющегося технического потенциала. Было достигнуто относительное равновесие ресурсов территории, с одной стороны, и потребностей людей, с другой. Это предопределило длительное стабильное существование [Епимахов, 2003, с. 88]. В результате увеличились сроки жизни людей, упала детская смертность [Хохлов, 2003, с. 124], возросла численность населения;

5) *"антимилитаризм"*, проявляющийся в том, что на большинстве территорий в погребениях отсутствуют предметы вооружения. Нет их и в жертвенниках. Несомненно, воевать населению срубной общности приходилось (в том числе, как позволяют предполагать данные этнографии, могли иметь место и столкновения между самими носителями срубной культуры). Оружие производилось, судя по материалам поселений и случайным находкам. Но культ оружия совершенно не прослеживается.

Таковы факты, которые вытекают из интерпретации археологического материала. От них мы и будем отталкиваться в нижеследующих построениях.

Толчок к возникновению культуры дает Вызов, бросаемый людям природной или человеческой средой [Мосионжик, 2002, с. 272]. Концепция Вызовов-и-Ответов разработана А. Тойнби. Вызовы могут быть разнообразны [Тойнби, 1991, с. 113-166], и они обычно не случайны, а запрограммированы развитием предшествующей культуры [Мосионжик, 2002, с. 272-273]. Если, столкнувшись с Вызовом, люди отбрасывают старый смысл своего бытия и избирают иной, рождается новая культура. Источники нового смысла чаще всего – т. н. "группы маргиналов", те, кто поклоняется "иным богам" [Мосионжик, 2002, с. 273] (здесь имеются в виду "боги" в широком смысле как совокупность определенных идеалов). Группы маргиналов, таким образом, выступают как оппозиция доминирующей верхушке. В случае с рождением срубной культуры ответить на вопрос, что явилось Вызовом, не просто. Однако, если исходить из того, что Вызов программируется предшествующим периодом, можно, учитывая особенности последнего, выдвинуть следующее предположение. Одна из ярчайших черт предсрубной эпохи, определяющая все ее содержание, - милитаризация жизни, наличие военной элиты. Эта элита обладала властными функциями, способствовала расцвету ремесел, создала мощнейший военный потенциал, была влиятельной и имела международные связи [Бочкарев, 1991, с. 26]. Ни в одной из более ранних культур воинство не было столь сильно (за исключением, разве что, усатовской, материалы которой фиксируют существование в данном обществе военной элиты [Зиньковский, Петренко, 1987]). Применительно к элите переходного периода вполне приемлем термин "харизматические кланы" [Отрощенко, 2002а]. В своих работах мы уже приводили аргументы в пользу того, что некоторые эпические тексты иранских народов сохранили память о рассматриваемой эпохе. Это, в частности, - легенды о происхождении скифов (I и II из зафиксированных Геродотом версий) и Батразовский цикл Нартского эпоса осетин [Циміданов, 1992б; 2001в]. В данных текстах отразились драматические коллизии социальной истории – борьба воинства за господство в обществе, конфликт воинов со служителями культа и носителями производственной функции, итогом чего явилось поражение воинства. Несомненно, переходный период был "героической эпохой" [Бочкарев, 1991, с. 26]. Но очевидно и то, что он был эпохой социальных катаклизмов. В сложении срубной культуры за пределами Среднего и севера Нижнего Поволжья воинство не играло никакой роли. На всех этих территориях воинские погребения отсутствуют, но весьма яркими являются захоронения служителей культа. Показательно, например, то, что большинство погребений с деревянными чашами, маркирующими принадлежность погребенных к

служителям культа, происходит с территории Днепровско-Донецкого региона [Цимиданов, 2000б, с. 146]. На этой же территории мы видим и наиболее неординарные захоронения другой группы носителей ритуальной функции, причастность к которой подчеркивалась помещением в могилу астрагалов [Цимиданов, 2001а, с. 228]. Отсюда возможен вывод, что, по крайней мере, к западу от Волги маргиналами, творившими новый смысл, были служители культа. При этом, что любопытно, они вовсе не рвались к власти. Погребения властителей в своем большинстве не демонстрируют знаков причастности умершего к ритуальной деятельности. То есть, властители, как правило, выходили из среды носителей производственной функции, которые доминировали в обществе [Цимиданов, Евглевский, 1993, с. 103; Цимиданов, 1997, с. 17]. Таким образом, рождение срубной культуры ознаменовано сменой элит. Из отмеченного вытекает предположение, что Вызов – это засилье военной аристократии в переходный период. Ответом на него было возникновение культуры (в известном смысле – "контркультуры"), которая принципиально отвергла и воинство как специализированную социальную группу, и воинские культы, и воинскую атрибутику. Был избран новый смысл бытия. Хронологически рассмотренная фаза культуры может быть соотнесена с началом старшей ступени архаического периода периодизации Н.Н. Чередниченко [1986, с. 63-77] (ниже мы будем использовать именно ее).

2-я ФАЗА: РОСТ КУЛЬТУРЫ

Возникновение срубной культуры, с точки зрения синергетики, означало прохождение системы через т. н. "точку бифуркации", то есть полосу нестабильности, когда для системы существуют разнонаправленные возможности ее дальнейшего развития. Точка бифуркации – это момент кризиса системы. Система может погибнуть, но может и осуществить выбор пути дальнейшего развития, выйти на новый уровень самоорганизации [Крымский, Павленко, 2002, с. 59]. В случае со срубной культурой имел место второй вариант. Однако, в соответствии с теорией синергетики, после того, как путь развития системы определился, усиливается фактор детерминизма, действующий вплоть до следующей точки бифуркации, причем движение системы между данными точками необратимо. Ситуацию можно охарактеризовать высказыванием И.В. Гете: "Свободен первый шаг, но мы рабы второго" [Крымский, Павленко, 2002, с. 59]. Таким образом, синергетика, как общая теория самоорганизующихся систем, вполне согласуется с циклическими моделями развития. Последние, по сути, предвосхищали эту популярную сейчас теорию, заостряя внимание на эволюции единиц исторического бытия, чередовании в ней периодов стабильности и неустойчивости.

Смена неустойчивости стабильностью как раз и имеет место на фазе роста. В случае со срубной культурой эта фаза соответствует большей части архаического периода. После рождения нового смысла, а вместе с тем новой культуры, начинается их саморазвертывание. Для фазы роста характерно стремление культуры к расширению – "экспансия духа", порожденная "агрессивностью" молодых культур. Экспансия происходит не всегда в виде военной агрессии. Главнее – "экспансия смысла". Вовне – это пропаганда культурой своего превосходства, желание научить мир, переделать его по своим меркам. Отсюда – стремление раздвинуть свои границы [Мосионжик, 2002, с. 275-276]. На данной стадии ярче всего проявляется то, что Л.Н. Гумилев назвал пассионарностью [Гумилев, 1994а, с. 71]. И именно этой стадии наиболее присуще мировоззрение, которое ярко охарактеризовал Д. Донцов. Оно предполагает примат воли перед интеллектом, действия перед созерцательностью, интуиции перед логикой, агрессивности перед пассивностью, догматизма перед релятивностью, веры перед

знаниями [Донцов, 2000, с. 188]. Это – время, когда суть жизни – в том, чтобы жадно жить, разрастаться, состязаться, не думая о последствиях и смысле действий. И это – время страстной борьбы за утверждение идеи против сил хаоса, давящих извне и изнутри [Шпенглер, 1993, с. 264].

"Экспансию смысла" очень хорошо отразили археологические материалы. Срубная культура распространилась на огромной территории. По нашим подсчетам – на площади более 900 тыс. кв. км [Цимиданов, Евглевский, 1993, с. 100]. Причем, это – лишь ареал более-менее сплошного расселения срубных племен. Кроме того, следы проникновения срубного населения есть и далеко за его пределами [Цимиданов, Евглевский, 1993, с. 100; Байпаков, 1996, с. 236; Кутимов, 1999, с. 320-322]. Срубная экспансия (по видимому, все-таки, в основном, мирная, ибо следов разрушений и геноцида нет) оказалась куда более успешной, чем, например, экспансии гуннов в Европу или зулу во главе с Чакой по Африке. Данные экспансии сопровождались обильным кровопролитием, но не привели к навязыванию другим народам культуры и образа жизни завоевателей. А в случае со срубниками это произошло. Срубная культура полностью поглотила субстраты. Их наследие в ней почти не улавливается. Например, применительно к территории, где субстратом была КМК, в качестве ее наследия называют традиции сооружения длинных курганов, возведения в могилах срубов, помещения в погребения деревянной посуды [Литвиненко, 1992, с. 146]. Действительно, все эти явления роднят срубную культуру и КМК. Но есть одна тонкость. Памятники III и IV этапов КМК Донбасса и Северо-Восточного Приазовья (по периодизации О.Р. Дубовской), как свидетельствует собранная этой исследовательницей сводка, не демонстрируют ни практики сооружения длинных курганов, ни устройства срубов в могилах, ни помещения в погребения деревянной посуды. Поэтому следует признать, что механика возникновения в срубной культуре данных обрядовых проявлений была более сложной, чем простое заимствование в ходе непосредственного контакта. И в любом случае упомянутые культурные элементы были творчески переработаны. Так, чаши срубной культуры, в отличие от деревянных сосудов КМК, имеют металлические накладки, игравшие, очевидно, важную роль в культе деревянной посуды. А срубы срубной культуры сделаны в большинстве случаев из плах и бревен, но не из досок, как погребальные конструкции КМК. Возведение длинных курганов в КМК имело место лишь эпизодически и являлось скорее исключением. Напротив, в срубной культуре данная практика предстает уже вполне устоявшейся. А что касается длинных курганов, образованных путем соединения более ранних круглых в плане насыпей, то в срубной культуре (и только в ней) это стало знаком высшего ранга в социальной символической. Показателен и еще один момент. После того, как сформировалась срубная культура, полностью исчезли костяные пряжки КМК, которые были одним из важнейших культовых символов данной культуры и, вероятно, маркировали последователей какой-то религии [Цимиданов, 1988, с. 17]. Неравновесность вклада субстрата и суперстрата в сложение срубной культуры видна по керамике. В раннесрубном горизонте Ильичевского поселения (среднее течение Северского Донца) керамика с чертами КМК и абашевской культуры не превышает 12% [Шаповалов, 1983, с. 10]. Аналогична ситуация на территории Среднего Подонья, где в качестве субстрата выступала доно-волжская абашевская культура. Судя по материалам Мосоловского поселения, унаследованные от абашевцев традиции керамического производства довольно быстро изживаются [Пряхин, Беседин, 1990, с. 96-97]. Подтверждают отмеченное и керамические материалы срубных погребений Подонцовья. Если на раннем этапе по периодизации Р.А. Литвиненко (это примерно соответствует старшей ступени архаического периода схемы Н.Н. Чередниченко) субстрат еще прослеживается в

некоторых пережитках, то на развитом этапе (примерно соответствует младшей ступени архаического периода схемы Н.Н. Чередниченко и, возможно, началу старшей ступени позднесрубного периода) субстратные черты уже не фиксируются [Литвиненко, 1991]. Таким образом, новая, срубная, культура не есть лишь синтез субстрата и суперстрата. Это – именно новая культура.

Но есть еще и внутренняя экспансия культуры – перестройка всего образа жизни на основе порогового смысла. И при этом не учатся у других [Мосионжик, 2002, с. 276]. Внутреннюю экспансию на археологических материалах проследить трудно. Но некоторые ее проявления все-таки фиксируются археологическими материалами. Так, для раннего этапа срубной культуры характерно распространение нового оседлого образа жизни на огромных пространствах, распространение одинаковых культов по всей территории, распространение одинаковой модели социальных отношений. И в материальной, и в духовной сфере безраздельно доминирует свое. Элементы иных культур почти не заимствуются. Их интенсивное восприятие начнется позже, а пока люди нетерпимы к чужому.

На данном этапе важным стимулом развития культуры являются усилия, направленные на освоение новых земель [Тойнби, 1991, с. 120, 129-130]. Применительно к срубной культуре можно говорить, используя терминологию А. Тойнби, о Вызове девственной земли. По крайней мере, степная часть ареала срубной общности в предшествующее время слабо использовалась в экономическом отношении. Население КМК на позднем этапе развития этой культуры было крайне малочисленным. Интересны результаты сплошных разведок, проводившихся автором на территории Марьинского района Донецкой области. Район расположен примерно посередине между Северским Донцом и Азовским морем – в треугольнике, образованном Донецким кряжем и Приазовской возвышенностью. Нами здесь выявлено 99 пунктов с находками эпохи поздней бронзы, в том числе 29 долговременных поселений. А вот пунктов с многоваликовой керамикой обнаружено только 5, причем на 4 из этих памятников присутствуют лишь единичные находки, т. е., вряд ли данные пункты были местами существования долговременных поселений. Памятники КМК немногочисленны и на других территориях, в частности – в лесостепи [Берестнев, 2001, с. 102]. В Приазовье срубники вообще, судя по некоторым данным, заняли пустующие земли [Горбов, 1996а, с. 69]. Масштабы освоения природных ресурсов населением КМК не идут ни в какое сравнение с тем, что имело место в срубное время. Показательно, что носители КМК не разрабатывали медные месторождения Донбасса, на базе которых в срубное время сложился мощный горно-металлургический центр. Население КМК практически не занималось земледелием [Писларий, 1995, с. 63; Березанская, 1986, с. 39-40]. В экономике срубных племен, напротив, земледелие играло заметную роль. Можно сослаться, по крайней мере, на находки орудий для обработки почвы, серпов, зернотерок, растиральников, ступок, отпечатки зерен и соломы культурных растений на керамике, остатки культурных растений в слоях поселений [Шаповалов, 1989, с. 38; Березанская, 1990, с. 40; Лебедева, 1992]. Отметим и то, что именно пища растительного происхождения попадала в большинство погребений в качестве напутственной [Демкин, Лукашев, Ковалевская, 1992, с. 47-48; Михайлов, Васильев, 2003, с. 177-180]. Таким образом, роль земледелия в срубной экономике была велика. Но земледельческое освоение территории требует куда больше усилий, чем скотоводческое. Даже в регионах, где срубникам предшествовало оседлое население, масштабы освоения земель сильно возросли. Например, это демонстрируют материалы Приуралья [Епимахов, 2003, с. 88],

Среднего Подонья [Левых, 1990, с. 26-27; Пряхин, Саврасов, 1996, с. 38], Верхнего Подонья [Бессуднов, Мельников, 2001, с. 208].

3-я ФАЗА: НАДЛОМ

По времени данная фаза не была, вероятно, продолжительна. Скорее всего, она занимает рубеж архаического и позднесрубного периода, возможно – начало старшей ступени последнего.

Надлом – это совокупность таких изменений в обществе, после которых рост прекращается (или, во всяком случае, затормаживается), и намечается тенденция к упадку. При этом упадок затрагивает прежде всего не экономику, а сферу духа. Как образно выразился А. Тойнби, надлом – это "утрата Прометеева порыва" [Тойнби, 1991, с. 302]. Английский историк, рассматривавший явление надлома на примере серии обществ и много размышлявший над его причинами, последовательно отстаивал мысль, что надлом не есть следствие физической или психической дегенерации людей; не является он и результатом действия внешних неподконтрольных сил [Тойнби, 1991, с. 296-300]. Надлом, по А. Тойнби, - распад "социального наследия" (люди лишаются возможности приложить свои силы в социальном творчестве) [Тойнби, 1991, с. 297]. Важное место в концепции историка занимает взаимодействие "творческих личностей", мобилизующих остальных членов социума на совместное движение, и "нетворческой части общества", которая численно доминирует и в своей массе является "тормозом". Взаимодействие это диалектично, и возможны ситуации, когда первые утрачивают инициативу. Тогда, считает А. Тойнби, и происходит надлом. На стадии роста "творческое меньшинство" постоянно изменяется, духовно обновляется. Но неизбежностью является то, что в конце концов эта часть общества теряет творческий потенциал, впадает в пресыщение. Происходит своеобразная "стерилизация" творческого начала бывших "творческих личностей", а сами они лишаются доверия остальной части социума, становится "правлящим меньшинством", стремящимся упрочить свою власть путем применения силы. Но реакция на это не замедляет появиться - рождаются новые "творческие личности", жаждущие перемен [Тойнби, 1991, с. 301-305, 309-310, 341]. В срубном обществе обновления "творческого меньшинства", вероятно, не произошло. Это вытекает уже из того, что последующая фаза, как мы увидим ниже, почти ничего нового, рожденного в недрах культуры, не демонстрирует. Если же и имели место изменения, то они, по большей части, были количественными, а не качественными. Например, затраты на совершение погребального обряда уменьшились, но знаки, из которых он состоит, остались, в основном, прежними. Сократился удельный вес орнаментированных сосудов, но многие композиции сохранились, а новых почти не появилось. Прежними, в своей массе, остались виды жертвоприношений и иной ритуальной деятельности. Не изменился набор социальных групп, хотя численность некоторых из них и упала. Таким образом, перед нами – как раз тот случай, о котором А. Тойнби писал, что в надломленном обществе идеи и идеалы консервируются [Тойнби, 1991, с. 341]. Новые маргиналы были слишком слабы, чтобы переломить ситуацию, но их сил все-таки оказалось достаточно, чтобы заявить о себе. Результат этого – утрата культурой ее смыслового единства. Пороговый смысл начинает допускать двойное толкование, в его понимании нарастает хаос [Мосионжик, 2002, с. 277]. Характерный для фазы надлома раскол общества (почитатели одного и того же "бога" схватились не на жизнь, а на смерть из-за того, как именно его следует почитать) [Мосионжик, 2002, с. 277], мы, понятно, на археологических материалах не проследим. Но возможно зафиксировать его последствия, проявившиеся в следующей фазе. Прежде всего, это – уменьшение нетерпимости. В позднесрубных памятниках мы видим

разнообразные проявления чуждых культур. В разных регионах общности их набор специфичен. Для примера обратимся к западной части срубного ареала – территории от Дона до Днепра. Основные из инокультурных проявлений здесь следующие:

а) с запада распространяется влияние сабастиновской культуры. Оно фиксируется по появлению импортной керамики [Горбов, 1991, с. 119; Гершкович, 1998, с. 69] и металлических изделий [Гершкович, 1998, с. 69]. Заимствуются технологические приемы изготовления посуды [Гершкович, 1998, с. 69; Берестнев, 2001, с. 114]. Еще более интересно то, что на некоторых срубных поселениях отправляются новые культы, что прослеживается благодаря находкам глиняных хлебцов, яиц, фигурок животных, имеющих аналогии в культурах сабастиновская и Ноа [Шаповалов, 1976, с. 155, 165; Березанская, 1990, с. 87-88];

б) на поселениях и в погребениях срубной культуры встречается керамика федоровского облика [Березанская, Гершкович, 1983, рис. 1, 1-3, 7; 2, 2-6, 8, 9; 3, 1-9; Кузьмина, 1987, с. 63; Литвиненко, 1994, с. 12]. Ранее ее появление относилось исследователями к раннесрубному времени, но сейчас выяснено, что она приурочена к позднесрубному этапу [Гершкович, 1998, с. 72]. Одна из наиболее эффектных керамических форм, рассматриваемых как следствие федоровского влияния, - т. н. "кубки" или "сосуды на поддонах" [Березанская, Гершкович, 1983, рис. 3, 1-9]. Обычно они сопоставляются с федоровской керамикой, но, учитывая наличие подобных сосудов на сусканских памятниках Среднего Поволжья [Колев, 2000, рис. 11], нельзя исключать того, что в срубной культуре западного региона "кубки" являются влиянием не столько федоровского, сколько сусканского населения. Следует отметить, что культурные импульсы из андроновского мира имели место и на фазе роста, что фиксируется по появлению алакульских элементов в керамике срубных памятников [Березанская, 1990, с. 23; Рогудеев, 1990, с. 49; Литвиненко, 1994, с. 12; Потапов, 1998]. Однако, масштабы этого влияния были значительно меньшими, во всяком случае, – в западной части срубного ареала. Об этом свидетельствует анализ андроновидной керамики с территории Украины, проделанный Е.Е. Кузьминой. Среди рассмотренных ею изделий в несколько раз больше сосудов с федоровскими, чем с алакульскими чертами [Кузьмина, 1997, с. 63].

в) на ряде поселений и в некоторых погребениях обнаружена черкаскульская керамика [Березанская, Гершкович, 1983, рис. 1, 1; Цимиданов, 1989, рис. 59; 60; 1990, рис. 46, 2; 51, 3; Рогудеев, 1990, с. 49; Беспалый, 1997].

Все отмеченное свидетельствует о распространении "ересей" в среде срубников. А отход части населения от ортодоксального почитания своих богов – всегда разочарование в каких-то идеалах. Восприятие инокультурного даже в материальной сфере – это уже сомнение в превосходстве своего. Для фазы роста такое не характерно. Тогда свое – самое лучшее, и чужого не нужно. К чужому относятся если и не враждебно, то весьма скептически, его отвергают, даже не задумываясь о целесообразности.

4-я ФАЗА: ВРЕМЯ ЭПИГОНОВ, ИЛИ СТАГНАЦИЯ

Хронологически фаза может быть соотнесена с позднесрубным периодом. На этой фазе культура оказывается в состоянии "внутреннего и внешнего завершения, доделанности". Цель достигнута и вовне, и внутри, осуществлены все возможности, и тогда культура "внезапно коченеет, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются" [Шпенглер, 1993, с. 264, 265]. Как отметил Л.Н. Гумилев, "в эту осень собирают плоды, накапливают богатство, наслаждаются покоем" [Гумилев, 1984а, с. 307]. Тем не менее, пороговый смысл еще не исчерпал себя. Его инерция способна если и не на новые завоевания, то хотя бы на сохранение завоеванного в пространстве и в сфере духа.

Традиция еще развивается, но это сводится лишь к договариванию высказанных ранее идей. Принципиально новые идеи не рождаются. Мир безопасен, творчества нет, жизнь пресыщена и бесцельна [Мосионжик, 2002, с. 279-281]. Для фазы (у Л.Н. Гумилева она названа инерционной) характерно преобладание "трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя", который стремится к благоустройству мира без риска для жизни [Гумилев, 1994а, с. 134, рис. 4]. Количество же пассионариев сокращается [Гумилев, 1994а, с. 307]. Под приведенную характеристику вполне подходит ситуация позднесрубного времени.

Комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство позволяло с небывалой доселе полнотой осваивать степные и лесостепные пространства [Бочкарев, 1982, с. 19]. Особенно выразительны материалы срубной культуры с территории Украины. Они свидетельствуют о том, что население максимально использовало занимаемые земли. Если в предшествующее время, в основном, осваивались лишь берега рек, то теперь в сферу хозяйственной деятельности включаются новые уголья на водоразделах [Берестнев, 2001, с. 114]. В степи использовались территории, отдаленные от больших водных источников [Салий, 1987, с. 93-94]. Интересна ситуация на Донецком кряже и в Северо-Восточном Приазовье. Ранних поселений там почти нет. А вот поздних только в Приазовье более 100 [Горбов, Привалова, 1989, с. 35]. Вновь возвращаясь к материалам Марьинского района Донецкой области, отметим, что на реках Волчья, Сухие Ялы, Икрянка долговременные поселения размещены на расстоянии 1,5 – 5,0 км одно от другого. Обнаружены они и на безводных в настоящее время балках, что свидетельствует о более влажном климате в рассматриваемое время. Долговременных срубных поселений позднего этапа при этом вшестеро больше, чем пунктов с материалами КМК.

В позднесрубное время не только увеличивается количество поселений, но и возрастает число жителей населенных пунктов, возникших в предшествующий период. В частности, на Ильичевском поселении в Подонцовье и на поселении Безыменное II в Приазовье наибольшее число построек относится именно к позднему времени [Шаповалов, 1983, с. 9, 11, 12; Горбов, 1991, с. 119]. Увеличиваются размеры поселений, и, соответственно, растет число их жителей и в украинской лесостепи [Берестнев, 2001, с. 114]. Возрастание численности и плотности населения свидетельствует о том, что, по крайней мере, в западной части срубного ареала рассматриваемая фаза была временем материального благополучия. Срубное общество максимально адаптировалось в своем экологическом окружении. Но такая удачная адаптация, как показал А. Тойнби, чревата утратой потребности преобразовывать природу: "Равновесие сил здесь столь точно выверено, что вся энергия общества уходит на поддержание ранее достигнутого положения. Для движения вперед нет ни стимула, ни необходимого энергетического запаса" [Тойнби, 1991, с. 302-305].

Конечно, в этот период ситуация в разных регионах срубной общности не была одинаковой. На некоторых территориях экономика уже начала "выдыхаться". Как ни удивительно, раньше всего это произошло в лесостепи, природные условия которой, казалось бы, являлись более благоприятными, чем в степной зоне. Тем не менее, численность поселений сокращается в Среднем Подонье [Левых, 1990, с. 27], Верхнем Подонье [Бессуднов, Мельников, 2001, с. 213], Среднем Поволжье [Васильев, Матвеева, 1986, с. 95-96]. А вот в глубинных районах степей Волго-Уральского междуречья число памятников данного времени является даже большим, чем предшествующего периода [Васильев, Выборнов, 1986, с. 18]. Правда, применительно к степям Нижнего Поволжья дискуссионным является вопрос о соотношении памятников с "валиковой" керамикой и срубной культуры. Ряд авторов предлагает выделить памятники с этой керамикой в

особую культуру (ивановскую, хвалынскую) или – отдельный культурный тип. Мы, напротив, склонны согласиться с исследователями, которые рассматривают данные памятники как часть срубного мира [Малов, 1994], как явление, генетически связанное со срубной культурой [Изотова, 2001, с. 60]. Об этом свидетельствует прежде всего орнаментация керамики. Хвалынский орнамент продолжает срубные традиции, он отличается от срубного лишь частностями и не демонстрирует образования новых канонов [Кочерженко, Сергеева, Слонов, Шабанов, 1994, с. 27, 29]. Таким образом, в степях Нижнего Поволжья развитие срубных племен продолжалось, причем экономика, как и на более западных территориях, переживала подъем.

Но при всех отмеченных признаках экономического расцвета приходится констатировать, что на этом этапе развитие культуры затормозилось. Все проявления погребальной обрядности, все элементы материальной культуры существовали уже на предшествующем этапе. Показательны в этом плане, например, материалы поселения Безыменное-II (Приазовье). Они демонстрируют, что в течение позднесабастиновского и белозерского времени не происходит культурных трансформаций [Горбов, 1996б, с. 16]. Даже валиковая орнаментация, которая является "визитной карточкой" позднесрубного периода, возникла еще в предсабастиновскую эпоху [Горбов, 1994, с. 71]. А почти все новое, что появилось на рассматриваемой фазе, было заимствовано извне. Выше мы уже перечислили некоторые инокультурные проявления. Одним из новшеств является распространение в лесостепной зоне современной Украины погребений по обряду кремации [Махно, Шарафутдинова, 1972, с. 76; Буйнов, Михеев, 1989; Супруненко, 1991, с. 43; Буйнов, 1992]. Эти кремации отличаются от классических срубных некоторыми моментами:

а) очень часто останки погребенных находятся в сосуде (для срубной культуры степи такие случаи аномальны);

б) подавляющее большинство данных погребений отличается от модели рядового комплекса только самим фактом кремации. В степной зоне, напротив, кремации неординарны и по другим признакам;

в) кремации лесостепи порой образуют целые могильники, тогда как в степи чаще всего в кургане встречается лишь одна кремация.

Таким образом, если в степи кремация – социальное явление (скорее всего – знак статуса служителя культа) [Цимиданова, 2001б], то в лесостепи она – явление скорее этнографическое. Проблема распространения в лесостепных районах кремаций нуждается в специальном рассмотрении. Не ясно, был ли это поиск нового, или – следствие инокультурного влияния. В последнем случае влияние, вероятно, исходило из Днепровского Правобережья, т. к. в рассматриваемое время кремации, в т. ч. – урновые, широко распространены в восточнотшинецкой культуре [Березанская, 1982, с. 51]. На данной фазе в культуре нарастает хаос, часть населения ищет новый пороговый смысл. Отсюда – все заимствования.

Но новшества сочетаются с еще большей, чем в предшествующее время, стандартизацией погребального обряда и материальной культуры [Шарафутдинова, 1976; Берестнев, 2001, с. 113; др. раб.]. Стандартизация, помимо прочего, косвенно свидетельствует о том, что контроль над жизнью людей стал более жестким. По мнению Е.П. Бунятян, в срубном обществе существовала "мощная прослойка", которая регламентировала все сферы жизни, в том числе и погребальную практику. Как считает исследовательница, носителями власти могли быть жрецы, или они, во всяком случае, обслуживали эту власть [Бунятян, 2000, с. 41]. Выше мы отмечали, что археологические источники не демонстрируют принадлежности большинства властителей к носителям

ритуальной функции. Но если рассматривать ситуацию в динамике, то материалы Днепровско-Донецкого региона все-таки показывают усиление служителей культа на фазе стагнации. Так, по нашим подсчетам, в архаическое время удельный вес лиц высшего ранга (их погребения совершены между более ранними курганами и сопровождаются досыпкой, эти курганы соединяющей [Цимиданов, 2000а, с. 21]) среди служителей культа составлял 3,2%. В позднесрубное время он возрос до 6,2%. Иная ситуация – среди носителей производственной функции. Здесь соответствующий показатель, напротив, упал с 2,5% до 0,3%. Усиление носителей ритуальной функции, вероятно, и предопределило более жесткую, чем в предшествующее время, регламентацию погребальной практики, нарастание диктата в данной сфере. Этот момент вполне соответствует одной из характерных особенностей застойных обществ: надломленной традиции нужна "диктатура", защищавшая бы ее авторитет. Теперь традиция очень боится перемен, справится с которыми силой своего духовного авторитета она больше не может. Культурный мир нужно охранять от идейных шатаний. [Мосионжик, 2002, с. 280-281]. Конкретно "диктатура" может проявляться в нажиме со стороны элиты, которая, как выразился А. Тойнби, отвергла музыку Орфея ради окрика капрала [Тойнби, 1991, с. 305]. Но, как в свое время отметил С. Миль, еще более жестким может быть "духовно-нравственный деспотизм" – тирания господствующих в обществе мнений и взглядов большинства, которая нивелирует и усредняет человека [История., 1996, с. 471]. Данное явление присуще отнюдь не только классовым обществам. Его мы найдем и в обществах доклассовых, причем, вероятно, там оно было выражено даже еще сильнее. В первобытных социумах имелись строгие системы норм, регулировавшие взаимоотношения между людьми. Они пронизывали всю жизнь и основывались на традиции, идущей от предков. Эти нормы ограничивали свободу действий отдельных индивидуумов [Шнирельман, 1986, с. 394, 395]. В случае нарушений одним из важнейших факторов воздействия было общественное мнение, не допускавшее "отклоняющегося" поведения [Першиц, 1988, с. 447, 453]. Общественное мнение выражало интересы большинства, которое было заинтересовано в стабильном существовании социума. Большинство же составляли те, кого Л.Н. Гумилев называл людьми с нулевой пассионарностью или гармоничными личностями. Они дисциплинированы – воспитаны в уважении к традициям, и в силу этого непримиримы к нарушениям общественного порядка [Гумилев, 1994а, с. 362]. Любые отклонения от этого порядка рассматриваются ими как что-то очень одиозное и неприятное. Это вполне можно понять, ибо порядок обеспечивает людям возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, не претендуя на особые успехи и даже не стремясь к ним. Подавляющее большинство членов социума предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных [Гумилев, 1984а, с. 307]. Но, с другой стороны, "духовно-нравственный деспотизм" большинства мешает проявлениям инициативы, что порождает консерватизм и застойность, как это имело место, например, у австралийцев. Впрочем, О.Ю. Антонова, исследовавшая данную проблему, показала, что даже в австралийском обществе подавление личности не было полным, и допустила, что древние доклассовые общества являлись более динамичными, чем социумы австралийцев [Артемова, 1987, с. 180-184]. На наш взгляд, эта верная мысль исследовательницы все-таки несколько абсолютизирована. К древним доклассовым обществам необходим дифференцированный подход. Лишь на первых этапах их истории развитие идет динамично. Однако, когда "пассионарный фонд" оказывается растроченным, и устанавливается преобладание "гармоничных" личностей, общество оказывается в состоянии, применительно к которому Л.Н. Гумилев употребил термин "гомеостаз". В

таком социуме большинство населения устраивает достигнутый уровень, и менять что-то оно не хочет. Но есть еще и маргинальные элементы общества. А они жаждут новизны. Старые смыслы и мифы дискредитированы, и маргиналы ищут пути духовного выхода из умирающей культуры [Мосионжик, 2002, с. 282-283]. Таким образом, рассматриваемая фаза является временем борьбы двух тенденций: консервативной и направленной на восприятие нового. И материалы срубной культуры очень хорошо это демонстрируют.

Еще одна из реалий фазы стагнации – то, что А. Тойнби назвал "горизонтальным расколом". Это – распад общества на социальные группы (у А. Тойнби – "классы", но он подчеркивает, что такой раскол присущ не только цивилизациям). По мнению мыслителя, на стадии генезиса и роста этого явления нет [Тойнби, 1991, с. 336]. С последним трудно согласиться. Применительно к срубному обществу достаточно надежно установлено, что социально дифференцированным оно было уже в архаическое время. Но на фазе стагнации, как показывают позднесрубные памятники Днепроовско-Донецкого региона, дифференциация еще более возросла [Циміданов, 1997, с. 18-19].

Главное в эпоху эпигонов – это потребление. Превыше всех – тот, кто больше имеет [Мосионжик, 2002, с. 279]. Археологические материалы данного этапа срубной культуры показывают, что общество еще более приблизилось к "полюсу накопления". Расточение энергии на предшествующей фазе выражалось прежде всего в освоении девственных земель и ассимиляции местного населения. Теперь мир обустроен и в экономическом, и в культуртрегерском плане. Срубники и ранее были более "экономными", чем их предшественники. Но на фазе стагнации рационализм срубного населения возрос. Это проявляется, например, в уменьшении материальных затрат на погребальную практику. Трудовые затраты сократились даже при погребении нерядовых членов социума. Чтобы не быть голословным, приведем лишь один показатель. На территории Днепроовско-Донецкого региона при совершении в раннесрубное время погребений лиц повышенного и высшего ранга (учтен 341 комплекс) в 37,5% случаев выкапывалась большая яма (по нашим представлениям, таковой является яма с площадью 2,1 кв. м и более). Для позднесрубного времени соответствующий показатель составляет 20,7% (учтено 595 погребений).

Отметим и еще один момент. В рассматриваемый период на территории Донбасса и Среднего Подонковья существовал мощный центр металлургии и металлообработки, базировавшийся на местном сырье [Татаринов, 1993]. Крупные масштабы производства орудий из металла демонстрируют, в частности, материалы поселения Усово Озеро [Березанская, 1990]. Несомненно, металлических изделий в распоряжении срубного населения западной части территории общности стало значительно больше, чем на предшествующей фазе. Тем не менее, в погребениях количество предметов из бронзы сильно сокращается. Например, почти полностью из состава погребального инвентаря исчезают ножи. Приведем и такие данные. Из раннесрубных погребений Днепроовско-Донецкого региона (учтено 588) металлические изделия содержали 11,7%, из позднесрубных – лишь 2,9% (учтено 2226 комплексов). Показательна и немногочисленность кладов металлических изделий, обнаруженных в Днепроовско-Донецком регионе срубной общности. Если брать в расчет лишь клады позднесрубного времени, то таковых нам известно только 7: Лобойковский [Черных, 1976, с. 40], Кабаковский [Лесков, 1967, с. 165], Райгородский [Лесков, 1967, с. 159], Ореховский [Черных, 1976, с. 34], Новопавловский, Крымский [Татаринов, 1977, с. 198-199] и утраченный клад из Карачевки [Берестнев, 2001, с. 96], в котором было небольшое число предметов, но точное количество их неизвестно. Часть кладов содержала изделия инокультурного производства. Но и эти комплексы по критерию места обнаружения

могут быть соотнесены со срубным населением. Всего перечисленные клады содержали 200 с небольшим предметов (причем, почти половина из них выявлена в Лобойковском кладе). Количество металла, зарытого в землю срубниками, намного уступает тому, которое выявлено в кладах культур сабашиновской и Ноа. Например, из кладов сабашиновской культуры происходит более 360 изделий, не считая слитков [И.Н. Шарафутдинова, 1986, с. 102]. При этом сабашиновские клады найдены на территории, где рудная база отсутствовала. Большинство вещей из данных комплексов имело карпато-трансильванское происхождение, что еще больше повышало ценность содержащихся в них предметов, по крайней мере часть которых (оружие, украшения), вероятно выступала в качестве престижных ценностей. Обилие кладов в сабашиновской культуре и Ноа позволяет допускать, что многие из этих кладов могли являться следами потлачевидных ритуалов, в ходе которых ценности намеренно подвергались ритуальному уничтожению путем их закапывания в землю. Такие ритуалы являлись одной из форм борьбы за лидерство на стадии классообразования [Шнирельман, 1985, с. 111-112]. Как следы потлачевидных ритуалов возможно рассматривать и те срубные клады, которые перечислены выше. Обстановка на территории, где они зарывались, была довольно стабильной, а потому трактовать данные комплексы как спрятанные сокровища едва ли уместно. Но срубных кладов слишком мало, и отсюда можно предполагать, что носители срубной культуры не склонны были уничтожать материальные ценности, но предпочитали копить их. Итак, перед нами ярко выраженная "рациональная" культура. Но ее "рационализм" – проявление не силы и динамичности, а слабости и агонии.

Не исключено, что со смещением общества к "полюсу накопления" связано и распространение такого орнамента, как одинарный горизонтальный валик, обычно расположенный под краем венчика. В позднесрубное время этот мотив становится очень популярным и по удельному весу затмевает почти все прочие (во всяком случае – на керамике поселений). Например, в коллекции т. н. "II сабашиновского горизонта" Ильичевского поселения, Донецкая обл. валиками украшено до 57% орнаментированной посуды [Шаповалов, 1976, с. 162]. По мнению Е.Е. Кузьминой, подкрепленному этнографическими параллелями, этот орнамент символизирует наполненность сосуда пищей, неиссякаемость ее [Кузьмина, 1986, с. 70]. Несколько иную версию семантики данного орнаментального мотива предложил В.Н. Горбов. По его мнению, валик был призван защитить пищу от "злокозненных сил" [Горбов, Кабанова, Усачук, Чубатенко, 1999, с. 75]. Строго говоря, и при первой, и при второй трактовке валиковой орнаментации мы можем констатировать существование определенной заикленности людей на еде. Когда такое "трепетное" отношение к пище становится одной из доминант в обществе с неблагоприятной экономикой, это можно объяснить как результат нехватки продуктов питания. Но едва ли данная проблема на рассматриваемой фазе существовала в срубном обществе. Скорее всего, в обстановке экономического процветания сосуда с валиками (эти отдаленные аналоги скатерти-самобранки и рога изобилия) выступали как своеобразный гимн потребительству, столь характерному для социумов, находящихся в состоянии стагнации [Мосионжик, 2002, с. 281]. Тогда еда становится среди прочих ценностей на одно из первых мест.

Но одной характерной чертой фазы стагнации срубное общество все-таки не обладало. Эта черта – феминизм, когда "мужики становятся бабами", а женщины вытесняют их то из одной, то из другой сферы [Мосионжик, 2002, с. 280]. Как показывает наша сводка погребальных комплексов Подонья, Предкавказья и Днепро-Донецкого региона, среди женских погребений позднесрубного времени рядовых – 83,8%, среди мужских – 60,1%. Судя же по материалам архаического времени той же территории, среди

женских погребений рядовые составляют 44,2%, а среди мужских – 30,62%. Приведенные показатели свидетельствуют, что в позднесрубное время сокращается удельный вес лиц, которые при жизни повышали свой ранг. Это вызвано усилением социальной дифференциации. Но результаты наших подсчетов демонстрируют и то, что позиция женщин в обществе позднесрубного времени отнюдь не усилилась по сравнению с предшествующим периодом. Вероятно, феминизация – явление, мало присущее доклассовым обществам.

5-я ФАЗА: КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА

Применительно к срубной культуре фаза, как мы полагаем, в основном, датируется белозерским временем (XII-X вв. до н. э.). В отдельных регионах "период глобального слома" (по терминологии В.И. Ледяйкина и Ю.А. Семькина [1991, с. 121]) начался раньше. Так, в лесостепном Поволжье уже около XIV в. до н. э. появляются памятники сусканской культуры, имеющей корни в андроновском мире. Это население вытесняет и ассимилирует срубников в культурном плане, а затем длительное время взаимодействует с носителями ивановской культуры [Колев, 2000, с. 250, 254-256], генетически восходящей к срубной. В Приуралье срубников несколько позже ассимилировали черкаскульцы [Отрощенко, 2002б, с. 20]. Но в большинстве регионов общности рассматриваемая фаза приходится все-таки на белозерское время. Главная специфика этой фазы развития культуры - в том, что прежние источники благ (и духовных, и материальных) давно исчерпаны, а найти новые прирожденные потребители разучились даже ради спасения жизни [Мосионжик, 2002, с. 284]. Ответ на очередные Вызовы они уже не могут дать. И они сдают все новые и новые позиции. В последней четверти II тыс. до н. э. постепенно прекращается жизнь на большинстве срубных поселений украинской лесостепи. На территории некоторых из них выявлены грунтовые могильники малобудковского типа, на других возникают бондарихинские поселения. Причем, эти пришельцы явно не обладали необходимым потенциалом для силового вытеснения срубников [Берестнев, 2001, с. 106]. Очевидно, они занимали земли, с которых срубники ушли. Основная масса срубного населения покинула Днепро-Донецкую лесостепь [Березанская, 1982, с. 40]. Несколько раньше они оставили более восточные лесостепные территории (Верхнее и Среднее Подонье, Среднее Поволжье). По одной из версий, это явление было результатом иссушения климата [Чередниченко, 1986, с. 81]. Другая точка зрения предполагает, что свою роль сыграл антропогенный фактор (истощение почв, уничтожение лесов, в итоге чего произошли общие изменения ландшафтно-климатических условий) [Мерперт, Пряхин, 1978, с. 12]. Наконец, некоторые исследователи полагают, что "исход" срубного населения из лесостепи был порожден сочетанием обоих факторов (климатического и антропогенного) [Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983, с. 12; Бессуднов, Мельников, 2001, с. 213]. Можно согласиться с тем, что безудержная эксплуатация природных ресурсов подорвала экономику срубного населения. Но нельзя сказать, что покинутая территория стала совсем непригодной для обитания, и ее ресурсы были полностью исчерпаны. Ведь бондарихинцы могли здесь жить, эксплуатируя поймы рек и берега маленьких озер. И при этом число бондарихинских памятников довольно велико. В лесостепи она размещаются через каждые 3-5 км [Ромашко, 1995, с. 75-76]. На левобережье Северского Донца в пределах Донецкой области ситуация аналогична. Так, на территории от западной окраины г. Славяногорск до р. Жеребец (участок протяженностью около 50 км вдоль боровой террасы) автору известно 25 поселений бондарихинской культуры. Вполне возможно, экономика бондарихинцев была принципиально иной, чем срубная. Но срубники, в отличие от населения бондарихинской

культуры, не смогли более существовать на этих землях. Они оказались не в состоянии ответить на очередной Вызов, и основная их масса предпочла сдвинуться на юг. Возможно, именно с оттоком срубного населения из лесостепи связано увеличение его численности в Приазовье, что фиксируют материалы поселения Безыменное-II [Горбов, 1996б, с. 16].

Исследователи отмечают, что на определенном этапе имело место сокращение численности срубного населения [Васильев, Матвеева, 1986, с. 95-96; Морозов, 1993, с. 16; Сергеева, 1997, с. 91; Отрощенко, 2002б, с. 20]. Почему это произошло, до сих пор непонятно. Падение демографических показателей не обязательно порождает катаклизмы типа войн и эпидемий. Примером может служить сильное сокращение населения Украины после развала СССР. В значительной степени оно было вызвано тем, что в условиях экономической нестабильности и боязни еще больших трудностей семьи сознательно стремились заводить поменьше детей или вовсе оставаться бездетными. Поэтому смертность превысила рождаемость. Но такое вполне возможно было и в эпоху бронзы. Как показывают этнографические данные, во многих доклассовых обществах проводилась продуманная "демографическая политика". Рамки работы не позволяют остановиться на этом более детально. Отметим лишь, что меры этой "политики" были довольно разнообразны: инфантицид, применение противозачаточных средств, аборт и т. д. Таким образом, в случае с сокращением срубного населения нет необходимости предполагать миграции, сопровождающиеся оттоком огромных масс людей за пределы территории общности, как это делают некоторые авторы [Мамонтов, 1986, с. 50-51; Дремов, Семенова, 2002, с. 69; Отрощенко, 2002б, с. 21, 27].

Хотя лесостепь, в целом, была утрачена срубниками, в ряде ее регионов небольшие анклавные срубного населения, вероятно, уцелели, но судьба этих людей была печальной. Они взаимодействовали с пришлым инокультурным населением, что породило синкретизм памятников [Берестнев, 2001, с. 108]. При этом срубники выступали в качестве ассимилируемой стороны. Это свидетельствует о том, что прафеномен исчерпал себя. Люди уже не видели смысла в том, чтобы отстаивать его. Значительные территории были потеряны и на западном "фронте" срубной культуры. В XII в. до н. э. она прекратила свое существование в степном Поднепровье и Днепровско-Молочанском междуречье. Здесь распространилась белозерская культура. Одним из компонентов ее культурогенеза, возможно, был срубный [Отрощенко, 1986, с. 151-152], но он настолько "растворился", что проявления срубного "наследия" в белозерской культуре зафиксировать проблематично. Напротив, очень ощутим в ней западный (ноический и козлодженский) компонент [Ванчугов, 1990, с. 131-133]. То, что его появление сопровождалось миграцией инокультурного населения, подтверждают антропологические материалы. Краниологический тип мужчин белозерской культуры – резко долихокранный [Круц, 1984, с. 92]. В отличие от него срубники демонстрируют умеренно долихокранный тип [Круц, 1984, с. 57]. Мужские черепа из белозерского могильника Чернянка по своим средним размерам [Круц, 1984, табл. 34] демонстрируют поразительную близость к черепам могильника Дойна культуры ноа (Румыния, правобережье Сирета) [Великанова, 1975, табл. 28]. Но ареал белозерской культуры не расширяется за р. Молочная [Отрощенко, 1986, с. 151]. Ситуация к востоку от этого рубежа (в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону) не вполне ясна. По одной из гипотез, здесь продолжала существовать позднесрубная культура. Как считает В.Н. Горбов, на данной территории она дожила до конца белозерской эпохи. Такой вывод сделан на основании того, что на поселении Безыменное-II горизонт белозерского времени демонстрирует с предшествующими преемственность в керамике (в том числе – в орнаментации),

домостроительстве, костяных изделиях [Горбов, 1994]. Эта точка зрения, правда, вызывает возражения [Отрощенко, 1999]. По мнению В.В. Отрощенко, памятники белозерского времени данной территории следует относить к белозерской культуре в качестве ее восточного локального варианта [Отрощенко, 2002б, с. 23]. Тщательное сопоставление основных черт материальной культуры и погребального обряда нижнедонских памятников XII-X в.в. до н. э. с материалами собственно белозерской культуры предпринял В.В. Потапов и в итоге отнесся к идее В.В. Отрощенко несколько скептически [Потапов, 2003]. Исследователь склоняется к гипотезе о культурной автономности этих памятников [Потапов, 2003, с. 161], но признает их генетическую связь с позднесрубной культурой [Потапов, 2000, с. 66; 2003, с. 16]. Такой взгляд в некоторой степени согласуется с построениями В.Н. Горбова. Оба автора признают культурную и этническую преемственность между памятниками Северо-Восточного Приазовья белозерского времени и более ранними. Причина же расхождений (все та же это культура или – уже новая) кроется в том, что исследователи делают основной упор на разные типы памятников: В.Н. Горбов – на поселения, а В.В. Потапов – на погребения. Материалы первых достаточно хорошо демонстрируют преемственность культуры, материалы вторых – культурную трансформацию. Отмеченная ситуация вполне соответствует атмосфере фазы культурной катастрофы. Пороговый смысл мертв, он достоин осмеяния и забвения [Мосионжик, 2002, с. 285]. И вместе с ним достойна забвения старая религия, определяющая погребальный обряд.

Новый пороговый смысл может быть принесен извне (из других культур), но тогда он должен успешно отвечать на вопросы, неразрешимые для старой традиции [Мосионжик, 2002, с. 273]. Однако, потомкам срубного населения, жившим в Северо-Восточном Приазовье, на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье, пороговый смысл белозерцев не подошел. Это видно из того, что свидетельства прямого воздействия белозерской культуры на население, жившее восточнее ее ареала, крайне немногочисленны [Потапов, 2003, с. 162]. Таким образом, распространение данной культуры и ее носителей на восток было остановлено.

В целом, ситуация на территории, которую ранее занимала срубная общность, в белозерское время имеет следующие черты:

1) происходит почти полная культурная ассимиляция срубников в ряде регионов (или их отток из них);

2) на территориях, где поселенческие материалы четко фиксируют проживание потомков срубного населения, все более распространяются влияния иных культур;

3) особенностью погребений финала бронзового века на данных территориях является отсутствие унификации погребального обряда [Потапов, 2003, с. 161]. На этот итог развития погребальной обрядности срубной культуры исследователи обратили внимание уже давно [Качалова, 1985, с. 36]. Давно было понято и то, что пестрота погребального обряда финала срубной культуры "указывает на затухающий характер былого культурного единства" [Качалова, 1989, с. 34];

4) в это время все более нарастает иссушение степи [Горбов, 1996б, с. 16];

5) всплеск религиозной активности, направленной на поддержание миропорядка и стабилизацию социума, фиксирует негативные изменения в материальном и духовном состоянии людей. "Постоянно усиливающееся предчувствие возможной катастрофы" толкало их на проведение ритуалов и более трудозатратных, и более кровавых, чем те, которые были присущи срубной поселенческой культовой практике предшествующего времени [Горбов, Мимоход, 1999, с. 42];

б) поселенческие материалы показывают значительно большую культурную преемственность, чем погребальные комплексы, т. е. материальная культура оказывается более живучей, чем духовная.

И все это время ищется новый пороговый смысл, одно из свидетельств чему – появление воинских погребений. Они еще единичны, но довольно яркие [Вальчак, Мамонтов, 1996, с. 30].

А. Тойнби отметил, что "великие цивилизации не погибают, но кончают самоубийством" (цит. по: [Лимонов, 2002, с. 92]). Данный тезис, как мы полагаем, не приложим к срубникам. Новый пороговый смысл был все-таки найден: возникла черногоровская культура. Важнейшие проявления этого порогового смысла – воинственность и кочевничество. Применительно к черногоровской культуре интересно то, что основная масса воинских погребений выявлена на территории северо-восточной зоны (по О.Р. Дубовской) - в Донбассе, на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье [Дубовская, 1993, рис. 60]. Очерченная территория поразительно совпадает с зоной "последнего оплота" срубного населения. Сюда не продвигались с запада белозерцы, а с севера – бондарихинцы. Это – то, что удалось удержать в ситуации культурной катастрофы. И отсюда в черногоровское время началась "реконкиста", приведшая к исчезновению белозерской культуры [Цимиданов, 1992а] и, вероятно, к оттеснению бондарихинцев на север [Ромашко, 1995, с. 80].

В заключение отметим, что применение циклических теорий к анализу археологического материала срубной культуры позволяет лучше понять и объяснить тенденции развития срубной культурно-исторической общности от ее возникновения до исчезновения.

Литература

1. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 6-58.
2. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.: Наука, 1987. 200 с.
3. Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане (1991-1995 гг.) // РА. 1996. №1. С. 232-249.
4. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. К.: Наукова думка, 1982. 212 с.
5. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.: Наукова думка, 1986. С. 5-43.
6. Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. К.: Наукова думка, 1990. 150 с.
7. Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 100-110.
8. Березанская С.С., Чередниченко Н.Н. Срубная культура // Археология Украинской ССР. К.: Наукова думка, 1985. Т. 1. С. 462-473.
9. Берестнев С.И. Восточнукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков, 2001. 264 с.
10. Беседин В.И. Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 36-39.
11. Беспалый Г.Е. Андроновское погребение на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып. 14. С. 99-101.
12. Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н. Динамика заселения племенами срубной культуры территории Верхнего Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 207-213.
13. Бестужев Г.Н. Общественный продукт и развитие погребальных обычаев (по материалам курганных захоронений эпохи бронзы в западном Прикубанье) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982. С. 127-129.
14. Бойченко І.В. Філософія історії. К.: Знання, 2000. 724 с.
15. Бочкарев В.С. Развитие общества и прогресс вооружения // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982. С. 19-22.
16. Бочкарев В.С. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. С-Пб., 1991. С. 24-27.
17. Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. С-Пб., 1995. С. 18-29.
18. Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита бронзы Средней и Восточной Европы. С-Пб., 1995. Ч. II. С. 8-26.
19. Буйнов Ю.В. Грунтовый могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 91-92.
20. Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник ХГУ. История, 1989. Вып. 23. С. 90-93.
21. Бунятян Е.П. Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Европейской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 39-42.
22. Буров Г.М. Система знаков на керамике срубной историко-культурной общности: опыт интерпретации // ДСПК. Запорожье, 1997. Т. VI. С. 48-64.
23. Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир – Москва, 1996. Вып. 2. С. 23-44.
24. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. К.: Наукова думка, 1990. 166 с.
25. Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 107-115.

26. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 9-20.
27. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книж. изд-во, 1986. 230 с.
28. Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1984. 284 с.
29. Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. Ч. 1. 368 с.
30. Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Свердловск – Ижевск, 1970. Вып. 10. 224 с.
31. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск: Южноуральское книж. изд-во, 1992. 408 с.
32. Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье - Подонцовье) // Археологический альманах. Донецк, 1998. №7. С. 61-92.
33. Глазачев В.Л. Зарождение зодчества. М.: Стройиздат, 1983. 127 с.
34. Горбов В.Н. Некоторые итоги исследования поселений срубной культуры в Северо-Восточном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. - V в. н. э.). К., 1991. С. 119-120.
35. Горбов В.Н. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 70-74.
36. Горбов В.Н. Раннесрубные поселенческие комплексы Северо-Восточного Приазовья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996а. С. 66-69.
37. Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк, 1996б. Ч. 2. С. 100-105.
38. Горбов В.Н., Кабанова В.Е., Усачук А.Н., Чубатенко И.А. Валик на керамике позднего бронзового века: поиск назначения // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 71-78.
39. Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999. С. 24-69.
40. Горбов В.Н., Привалова О.Я. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследований памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 35-38.
41. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: ДИ-ДИК, 1994а. 544 с.
42. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: ДИ-ДИК, 1994б. 640 с.
43. Демкин В.А., Лукашев А.В., Ковалевская И.С. Некоторые аспекты палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. 1992. № 4. С. 43-49.
44. Дорст Ж. Влияние человека на природу // Смит Р.Л. Наш дом планета Земля. М.: Мысль, 1982. С. 125-141.
45. Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсовского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 146-164.
46. Дремов И.И. Эволюция религиозных представлений древних индоевропейцев Поволжья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 121-125.
47. Дремов И.И., Семенова И.В. Смена культурных традиций в степном Поволжье между финальной бронзой и началом железного века // Сучасні проблеми археології. К., 2002. С. 67-69.
48. Донцов Д. Идеология чинного националізму // Націоналізм. К.: Смолоскип, 2000. С. 188-196.
49. Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. Донецк, 1993. №2. С. 137-160.
50. Дьяконов И.М. Сознание людей накануне возникновения цивилизаций. Познание мира и рождение искусства // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. Месопотамия. М.: Наука, 1983. Ч. 1. С. 98-106.
51. Емельянов Ю.В. Рождение и гибель цивилизаций. М.: Вече, 2000. 544 с.
52. Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. 2003. № 1. С. 83-90.
53. Жуков Е.М. О роли социальной революции в процессе смены общественно-экономической формации // Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985. С. 8-26.

54. Захариков А.П. Формирование срубной культуры. Вариант трансформации культур Степного Поволжья средней-поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 58-61.
55. Захарова Е.Ю. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1998. Вып. 11. С. 101-111.
56. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 183 с.
57. Зиньковский К.В. Значение моделирования в исследовании остатков построек на поселениях трипольской культуры // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1982. С. 19-32.
58. Зиньковский К.В., Петренко В.Г. Погребения с охрой в усатовских могильниках // СА. 1987. №4. С. 24-39.
59. Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 58-69.
60. История политических и правовых учений. М.: ИНФРА-М, 1996. 728 с.
61. Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 28-59.
62. Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья // СА. 1989. № 1. С. 33-47.
63. Кияшко В.Я. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 49-50.
64. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.
65. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. С-Пб., 2002. 414 с.
66. Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989. 89 с.
67. Ковалева И.Ф. Соотношение культур многоваликовой керамики и срубной в Днепровском Предстепье // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. К. - Николаев – Южноукраинск, 1997. С. 10-11.
68. Козлов В.И. Пути околонучной пассионарности // СЭ. 1990. № 4. С. 94-110.
69. Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. С. 242-301.
70. Кочерженко О.В., Сергеева О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л. Закономерности построения и эволюции орнамента поселенческой керамики эпохи поздней и финальной бронзы Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 27-29.
71. Крамер С. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1991. 237 с.
72. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. №46. 167 с.
73. Крымский С.Б., Павленко Ю.В. Инварианты цивилизационного процесса // Цивилизационные модели современности. К.: Наукова думка, 2002. С. 25-63.
74. Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы // ИГАИМК. 1935. Вып. 119. 176 с.
75. Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья. К.: Наукова думка, 1984. 208 с.
76. Кубышев А.В., Чернозитов П.Ю. Курганные погребения эпохи бронзы в Ногайской степи // КСИА. 1984. №177. С. 96-101.
77. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Семенова А.П., Хохлов А.А. Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней в Волго-Уралье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 80-83.
78. Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. С. 122-151.
79. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 135 с.
80. Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен // Международные связи эпохи бронзы на территории Украины. К.: Наукова думка, 1987. С. 48-68.

81. Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 76-77.
82. Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999. Вып. 1. С. 154-205.
83. Кутимов Ю.Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // Stratum plus. С-Пб. – Кишинев – Одесса, 1999. №2. С. 314-322.
84. Лебедева Е.Ю. Палеоботанические исследования в Приазовье // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 141-143.
85. Левых Г.А. Памятники донской лесостепной срубной культуры // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990. С. 26-27.
86. Ледайкин В.И., Семькин Ю.А. Жертвенный погребальный комплекс Абрамовского II поселения // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 112-129.
87. Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. К.: Наукова думка, 1967. С. 163-178.
88. Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий. С-Пб.: Амфора, 2002. 248 с.
89. Литвиненко Р.А. О хронологическом соотношении срубной культуры лесостепной Донетчины с донской лесостепной срубной культурой // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж, 1991. С. 79-80.
90. Литвиненко Р.А. О степени преемственности погребального обряда предсрубного горизонта и срубной культуры в бассейне Северского Донца // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 145-147.
91. Литвиненко Р.О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1994. 21 с.
92. Лозко Г.С. Етнологія України. Філософсько-теоретичний та етнорелігієзнавчий аспект. К.: АртЕк, 2001. 304 с.
93. Лот А. К другим Тассили. Л.: Искусство, 1984. 216 с.
94. Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточно-европейской степи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 82-101.
95. Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 8-13.
96. Мамонтов В.И. Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 38-54.
97. Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. М.: Мысль, 1975. 440 с.
98. Массон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология – поиски и находки. К.: Наукова думка, 1980. С. 204-212.
99. Массон В.М. Конвергенция и дивергенция в свете развития древних культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. С-Пб., 1995. С. 5-7.
100. Мауринь А.М. Еще о ритмах истории... // Наука и религия. 1991. № 5. С. 40-41.
101. Махно С.В., Шарафутдинова И.М. Могильник эпохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі // Археологія. 1972. №6. С. 70-81.
102. Мельник В.И. Проблема смены культур эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 33-34.
103. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная проблема и лесостепь // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 9-12.
104. Мимоход Р.А. О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. М., 2003. Ч. I. С. 103-107.
105. Михайлов Л.Н., Васильев О.А. Ретроспективный анализ содержимого сосудов курганных могильников Самарской области на основе агрохимических методов исследований // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 177-180.
106. Моисеева Л.А. История цивилизаций. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 416 с.
107. Морозов Ю.А. Хронология погребальных памятников срубной культуры южного Приуралья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 11-22.
108. Мосионжик Л.А. Человек перед лицом культуры. Кишинев: ВША, 2002. 391 с.

109. Мочалов О.Д. Потаповская керамика и проблема формирования срубной культуры Волго-Уральской лесостепи // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 54-57.
110. Мочалов О.Д. К проблеме сложения срубной культуры Поволжья (по данным анализа керамики) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 50-58.
111. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология - прогнозирование). М.: Мир, 2004. 368 с.
112. Никитин В.М. Философия апризма // ЛА. 1986. № 8. С. 56-64.
113. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.
114. Отрощенко В.В. Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.: Наукова думка, 1986. С. 117-167.
115. Отрощенко В.В. До уточнення хронології синташтинської культури // Проблеми хронології культур енеоліта – бронзового віка України і юга Східної Європи. Дніпропетровськ, 1994а. С. 39-41.
116. Отрощенко В.В. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Тезисы докладов международной конференции "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье, 1994б. Ч. II. С. 150-153.
117. Отрощенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. I. С. 70-72.
118. Отрощенко В.В. До питання про фінал культур зрубної спільності // Проблеми скифо-сарматської археології. Запорожье, 1999. С. 191-194.
119. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К., 2001. 289 с.
120. Отрощенко В.В. До генези харизматичних кланів // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002а. С. 169-170.
121. Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. К., 2002б. 33 с.
122. Отрощенко В.В., Формозов А.А. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Hraehistorika. Sofia, 1988. Т. 9. С. 141-178.
123. Павленко Ю.В. Этапы, пути и исторические типы реализации цивилизационного процесса // Цивилизационные модели современности. К.: Наукова думка, 2002. С. 64-97.
124. Першиц А.И. Нормативное сознание // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М.: Наука, 1988. С. 447-459.
125. Писларий И.А. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // Открытия молодых археологов Украины. К.: Наукова думка, 1976. Ч. I. С. 18-19.
126. Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 23 с.
127. Писларий И.А. Животноводство населения в эпоху бронзы степной Украины // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. К., 1995. Ч. I. С. 63.
128. Потапов В.В. Погребение с алакульским сосудом у п. Орловский // Донская археология. 1998. №1. С. 43-45.
129. Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. 2000. №3-4. С. 62-69.
130. Потапов В.В. Памятники финала эпохи поздней бронзы степного Подонья: проблемы культурной атрибуции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. М., 2003. Ч. I. С. 160-163.
131. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Развитие традиций керамического производства населения срубной культурно-исторической общности (по данным Мосоловского поселения) // Проблеми дослідження пам'яток археології Северського Донця. Луганськ, 1990. С. 95-97.
132. Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996. С. 34-51.
133. Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.
134. Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю. Знаки на сосудах средней бронзы Доно-Донецкого региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 58-63.
135. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 209 с.

- 136.Пряхин А.Д., Саврасов А.С. К оценке традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 36-43.
- 137.Пустовалов С.Ж. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной общности // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк, 1996. Ч. 1. С. 44-46.
- 138.Пярых Г.Г. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983а. С. 81-95.
- 139.Пярых Г.Г. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983б. С. 111-118.
- 140.Пярых Г.Г. К проблеме распространения новой формы религии в позднем бронзовом веке // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 142-144.
- 141.Пярых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. 2000. №4. С. 11-25.
- 142.Рогудеев В.В. Инокультурные компоненты в погребениях срубного времени Волго-Донского района Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 46-52.
- 143.Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1995. 92 с.
- 144.Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство. М.: Наука, 1985. 182 с.
- 145.Савинов Д.Г. Динамика культурного пространства (по археологическим материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Теория и методология архаики. С-Пб., 2003. Вып. 3. С. 52-60.
- 146.Салий Н.М. Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.: Наукова думка, 1987. С. 82-94.
- 147.Сафонов И.Е. "Священные" числа и восприятие времени в абашевском и срубном мире // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. С. 63-66.
- 148.Сафонов И.Е. Орнаментация керамики донской лесостепной срубной культуры // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 115-118.
- 149.Семенов Ю.И. Рец.: Sahlins M. Stone Age Economics // СЭ. 1947. № 4. С. 168-172.
- 150.Сергеева О.В. Пространственный анализ поселений эпохи поздней бронзы Саратовского Правобережья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 88-91.
- 151.Смит Р.Л. Наш дом планета Земля. М.: Мысль, 1982. 384 с.
- 152.Социология: наука об обществе. Харьков, 1997. 688 с.
- 153.Супруненко А.Б. Материалы срубной культуры в исследованиях И.А. Зарецкого // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Полтава, 1991. Ч. 2. С. 43-45.
- 154.Татаринов С.И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. 1977. № 4. С. 92-107.
- 155.Тернбул К.М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. 254 с.
- 156.Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 732 с.
- 157.Филипченко В.В. Мозаика культур волго-донской культурно-исторической области в эпоху средней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. С-Пб., 1995. С. 74-76.
- 158.Філософський словник. К.: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії, 1973. 600 с.
- 159.Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. №1. С. 193-200.
- 160.Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 160 с.
- 161.Хохлов А.А. Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самара // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003. С. 112-125.
- 162.Цимиданов В.В. Поселение Елизаветовка I и проблема западных связей степных культур середины II тыс. до н. э. // Организация археологических экспедиций с участием школьников. Донецк, 1988. С. 16-17.
- 163.Цимиданов В.В. Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района и в Марьинском районе Донецкой области. 1989 г. // НА ІА НАНУ. 1989/178.

164. Цимиданов В.В. Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района Донецкой области. 1990 г. // НА ИА НАНУ. 1990/209.
165. Цимиданов В.В. О финале белозерской культуры // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992а. С. 99-101.
166. Цимиданов В.В. Час виникнення легенди про походження скіфів (Перша версія Геродота) // Археологія. 1992б. №1. С. 31-38.
167. Цимиданов В.В. Длинные курганы Донетчины // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000а. С. 19-21.
168. Цимиданов В.В. Загадки срубных чаш // Донская археология. 2000б. №3-4. С. 142-148.
169. Цимиданов В.В. Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк, 2001а. №10. С. 215-248.
170. Цимиданов В.В. Кремация в срубной культуре как статусный знак // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001б. С. 40-41.
171. Цимиданов В.В. Эпический социум нартов и степные общества эпохи бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк – Макеевка, 2001в. Т. 1. С. 55-64.
172. Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004. 204 с.
173. Цимиданов В.В., Евглевский А.В. Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. №2. С. 99-112.
174. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.
175. Чердниченко Н.Н. О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 6-8.
176. Чердниченко Н.Н. Срубная культура // Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.: Наукова думка, 1986. С. 44-82.
177. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.
178. Черных Е.Н. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре // СА. 1982. № 4. С. 8-20.
179. Чубатенко И.А. Некоторые данные об обработке поверхности керамики покровской культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. С. 84-86.
180. Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка // Энеолит и бронзовый век Украины. К.: Наукова думка, 1976. С. 150-172.
181. Шаповалов Т.А. Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца (По материалам Ильичевского поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1983. 24 с.
182. Шаповалов Т.А. Поселения срубной культуры Подонцовья (к вопросу хозяйственной деятельности) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. С. 38-40.
183. Шарафутдинова Э.С. К характеристике погребального обряда позднесрубной культуры (Нижний Дон и сопредельные территории) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 64-65.
184. Шморгун А.А. Этносоциальное развитие человечества и цивилизационный процесс // Цивилизационные модели современности. К.: Наукова думка, 2002. С. 219-257.
185. Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 236-426.
186. Шнирельман В.А. "Диффузия идей", кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах // СЭ. 1991. № 2. С. 17-28.
187. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. Т. 1. 668 с.
188. Шуйнин В.М. Вызов дара // ЭО. 1992. № 1. С. 40-60.
189. Энгельс Ф. Материалы к "Анти-Дюрингу" // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 20. С. 627-676.
190. Ящук Т.І. Філософія історії. К.: Либідь, 2004. 536 с.